

[Polaris]

ВИКТОР ПРИБЫЛКОВ

ЛЕНДА СТАРИНОГО БАРОНСКОГО ЗАМКА

Русский оккультный роман

Том XI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXVIII

Salamandra P.V.V.

**Виктор
ПРИБЫТКОВ**

**ЛЕГЕНДА
СТАРИННОГО
БАРОНСКОГО ЗАМКА**

Не быль и не сказка

Русский оккультный роман
Том XI

Salamandra P.V.V.

Прибытков В. И.

Легенда старинного баронского замка: Не былъ и не сказка (Русский оккультный роман, т. XI). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 100 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXVIII).

Сpirитические сеансы, привидения, явления духов, медиумические откровения и кровавая тайна прибалтийского баронского рода фон Ф. — в сочинении Виктора Прибыткова, редактора-издателя первого в дореволюционной России спиритуалистического журнала «Ребус».

ЛЕГЕНДА СТАРИННОГО БАРОНСКОГО ЗАМКА

Не быль и не сказка

ЛЕГЕНДА
СТАРИННОГО БАРОНСКАГО
ЗАМКА.

Не быть и не сказка.

Издание редакции журнала «Ревусъ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., д. № 7
1883.

ВЕЧЕР НА ДАЧЕ

На даче хорошенъкой вдовушки графини Воронецкой в послеобеденное время, по-светски, в *avant-soirée*^{*}, собралось небольшое общество избранных: три из ее светских приятельниц и несколько молодых людей, не из интересных. Несмотря на вошедшую в пословицу любезность графини, в этот вечер она была решительно не в ударе занимать своих случайных гостей. Ей не хотелось говорить, хотелось читать заинтересовавшую ее в это утро английскую книгу.

Погода была душная, изредка небольшая молния прорезывала темное июльское небо, вдали слышались глухие раскаты грома. Все чувствовали себя в каком-то странном настроении; от приближавшейся грозы, особенно у дам, не на шутку разыгрывались нервы. Молодые люди вяло рассказывали сезонные новости, которых никто не слушал; все втайне мечтали о немедленном возвращении домой, но никто не решался встать первым, считая, что такое скорое бегство невольно сказало бы хозяйке, что у нее в этот вечер царствует скука.

В самом темном углу террасы, не принимая никакого участия в общем разговоре, сидел пожилой уже брюнет с выразительным матово-бледным лицом и с глубокими, свечущимися глазами. Он смотрел на темное небо, а все общество, насколько позволяла светская учтивость, смотрело на него. Какая-то неуловимая особенность в безукоризненном костюме и манерах показывала в нем иностранца. Графиня не раз собиралась заговорить с ним и не решалась, сознавая, что серьезной беседы, такой, какой ей хотелось бы, в этой обстановке у них не выйдет, втягивать же его в общий, пустой разговор ей просто было совестно. Из всех случайно собравшихся у нее в этот вечер гостей он один при-

* Перед вечером (*фр.*).

ехал, приглашенный его накануне, со специальной целью поговорить о данной им накануне же ей книге.

Знакомство графини с сэром Гарлеем началось очень недавно; представленный ей дядей за несколько дней перед тем, как интересный путешественник, долго живший на Востоке и в Америке, он с первого взгляда показался ей человеком необыкновенным, никогда ею не виданным среди пустого общества, в котором она вращалась и нередко скучала, скрывая веером зевоту чуть не до слез.

Как ни жадно схватилась она за его книгу, а ей все-таки удалось прочитать ее только до половины, когда прямо к обеду приехала издалека ее самая любимая подруга баронесса Ф. В другой день графиня Вера тем более бы ей обрадовалась, что давно, с самой зимы, ее не видала, но баронесса, несмотря на их интимность, была последняя из всех ее приятельниц, с кем Вера решилась бы поделиться впечатлением, вынесенным из книги сэра Гарлея, а впечатление было так сильно, что отделаться от него она не могла и только рассеянно выслушивала сперва баронессу, а потом и остальных мало-помалу собравшихся гостей. Нетерпеливый взгляд ее нередко обращался на сэра Гарлея то с затаенным вопросом, то с извинением, что невольно заставляет его терять время.

Наконец, одна из дам встала, извиняя свой быстрый отъезд необходимостью свидания с сестрой; ее примеру вскоре последовала другая и трое из молодых людей, наиболее действовавших своей пустой шумихой на нервы хозяйки, тоже откланялись под каким-то благовидным предлогом. Графиня вздохнула несколько свободнее и решилась вызвать сэра Гарлея из-за его зеленой засады, защищавшей его от света ламп группы высоких фикусов. Вера знала, что от остальных гостей не отделаться; маленькая баронесса, приехавшая из Остзейского края, прямо объявила, что будет ночевать на даче, а оставшийся еще белокурый юноша Поль Светловский, из более интеллигентных между светской молодежью, двоюродный брат графини, во-первых, никогда не спешил расставаться с кузиной, а в этот вечер его особенно привлекал интересный путешественник. Он притих

и приготовился слушать, но разговор все-таки не клеился, громовые удары повторялись все сильнее и чаще.

— Какая ты странная сегодня, Вера, — сказал наконец Светловский, обращаясь к кузине по-английски из любезности к гостю-англичанину. — Я боюсь, что сэр Гарлей напустил на тебя какие-нибудь восточные чары.

— А вы верите чарам? — ответил, улыбаясь, путешественник.

— Я верю, — поспешно вмешалась баронесса, — то есть я верю не чарам, пожалуй, а чему-то таинственному, необъяснимому.

— На каких же это основаниях, баронесса? — спросил сэр Гарлей, продолжая улыбаться.

Графиня посмотрела удивленно на гостю: так неожиданно было это заявление со стороны первой насмешницы всего их кружка, но в этот раз черные глазки баронессы смотрели очень серьезно и ничуть не высказывали желания одурачить слушателей.

— Серьезных, неопровергимых данных верить таинственному у меня нет, если хотите, но я все-таки верю, сама слышала... Вот, видите ли, о замке моего свекра существует легенда, подробности ее знает он один из старинных бумаг и ни за что не хочет открыть тайну нам, все отделяется шутками. Я вышла замуж только прошлой зимой и первое лето провожу в замке. Когда я была невестой, Адольф шутя говорил мне, что и на их замок наложена несомненная печать его древности и аристократизма — в виде появляющихся в нем привидений. Я, конечно, не обратила на это внимания, даже совсем забыла его слова, пока 15 июня... Папá не было дома, я с мужем сидела в его кабинете, выходящем в длинный коридор. Погода была прелестная, ни одного облачка на небе — и вдруг раздалось несколько страшных тресков, точно громовые удары, или, пожалуй, ружейные выстрелы... а потом пошли громкие стуки по всей комнате, в стенах, в окнах, полу, даже в кресле, на котором я сидела, точно кто ударял небольшим молоточком. Я вскрикнула и выбежала в коридор, муж за мной. В коридоре раздавались такие же стуки, точно перекликаясь из одного кон-

ца в другой, и среди их послышались вскоре где-то тяжелые шаги, хотя мы никого не видели в освещенном коридоре. Постепенно удаляясь, шаги исчезли на лестнице в верхний этаж. Я так испугалась, что со мной сделалось дурно, и я всю ночь не заснула, хотя стуки, постепенно затихая, к ночи совсем прекратились. На следующее утро я все рассказала папá, он засмеялся, только совсем неестественно, и стал уверять, что нам все это пригрезилось. Не добившись ничего от барона, я стала допытывать старую экономку; она тридцать лет живет в замке. Наконец, она мне рассказала, не без труда с моей стороны, что каждое 15 июня папа куда-нибудь уезжает, и всегда слышатся эти стуки и шаги. Ей сказывали старые люди, что давно-давно, может быть, более ста лет назад, в этот день и час, в замке произошла какая-то катастрофа, подробно описанная в старинных бумагах. Кроме папá, никто не знает, в чем дело, будет, говорят, знать мой муж, когда наследует замок... Знают только одно, что владельцу майората запрещено проводить роковой день в замке. Кто-то, кажется — прадед моего мужа, еще совсем молодым человеком, только что у него родился наследник, не послушался запрещения, и с ним сделался в тот же день удар, и он никогда уже не вставал с постели... Что вы на это скажете, сэр Гарлей?

Но прежде, чем тот успел ответить, вмешался Поль Светловский.

— Вы не насмехаетесь ли над нами, баронесса? — проговорил он, иронически улыбаясь.

— Нет, в этот раз она не смеется, я за это ручаюсь, — сказала графиня, — что же касается сэра Гарлея, я знаю, что он этому верит; он дал мне вчера книгу, где описано много подобных происшествий. Хотите, мы прочтем одну, самую интересную главу, тоже о старинном замке в Англии, а потом он будет так добр объяснить нам...

Молодой человек сделал кислую мину: он не того ожидал от интересного путешественника.

— Нет, Вера, мы лучше читать не будем — я, право, боюсь, опять не усну ночь после твоей страшной истории. А вот я желала бы знать, верит ли сэр Гарлей и новейшему спири-

тизму, о нем теперь так много толкуют везде, даже в нашей Неметчине, да и прежде толковали, помню, когда, было, приезжали в Петербург иностранные медиумы... Но тогда я над всем этим только смеялась, даже видеть медиумов не пожелала.

— А теперь вы не будете смеяться, баронесса, если я скажу вам совершенно серьезно, что я верю или, лучше сказать, знаю, потому что видел, — заговорил наконец сэр Гарлей.

— Это вы в Америке видели, — досадливо вмешался юноша, знаем и мы американских подкупных медиумов-шарлатанов. Вот Слэд* приезжал к нам, и что же? Ничего не вышло. Говорили тогда, что наша петербургская весна помешала опытам. Хороши духи, боящиеся дурной погоды!

— Боятся дурной погоды не духи, — серьезно ответил путешественник, — а она влияет на физический организм медиумов, который, в силу каких-то нам еще неизвестных законов природы, служит проводником для явлений в нашем физическом мире. В Лейпциге, с тем же Слэдом, но, вероятно, при более подходящих условиях, вышло очень многое, убедившее людей науки. Я, баронесса, — обратился сэр Гарлей к молодой женщине, — делал много опытов не только в Америке и в Англии, но и в Италии, в Швейцарии, на Востоке, и не с профессиональными медиумами большей частью, а в тесных кружках испытанных друзей, и видел, и убедился.

— Что же вы видели?

— То же самое, или приблизительно то же, что рассказывается в книге, которую я дал прочитать графине. Она на-

* Г. Слэйд (Слэд, Slade, 1835-1905) — известный американский лжемедиум, демонстрировавший появление «посланий духов» на запечатанных грифельных досках и др. феномены. Во второй половине 1870-х гг. выступил в Европе, в декабре 1877 – мае 1878 гг. проводил сеансы и в Петербурге. В Англии был приговорен к тюремному сроку за мошенничество, от кот. сумел избавиться благодаря апелляции. Хотя Слэйд неоднократно разоблачался как шарлатан, многие видные спиритуалисты верили в истинность по крайней мере части связанных с ним «явлений».

писана человеком очень уважаемым и известным в Америке и в Европе, Робертом Дэль Оуэном*, сыном знаменитого социал-демократа.

— Как бы мне хотелось сегодня же попробовать сесть за сеанс, — сказала графиня.

— Сегодня он вряд ли удастся, в атмосфере слишком много электричества.

— Так погода действительно имеет влияние на спиритические опыты? — спросила графиня. — Скажите, сэр Гарлей, какая же требуется для них атмосфера?

— Во-первых, комната требуется не слишком жаркая и не слишком холодная, так градусов в 14, и непременно отдельная, чтобы не доходило в нее никакого шума извне. Воздух должен быть чистый, легкий, но без сквозного ветра. Не раз было замечено, что дождь, или снежная метель, следовательно, сырость во внешней атмосфере, имеет дурное влияние на опыты, а приближение грозы, когда воздух насыщен электричеством, тем более.

— Это все, или есть еще и другие какие условия для сеансов? — продолжала расспрашивать хозяйка.

— Есть несколько данных, выработанных опытом, которые в большей части случаев обусловливают успех, но как он главным образом зависит от психического настроения кружка, то совершенно невозможно сказать заранее, произойдут явления или нет, или объяснить, почему в составе тех же самых лиц, в той же комнате, они были вчера и не удается сегодня.

— Говорят, неверующие мешают, — сказал иронически молодой человек.

— Предвзятое неверие или, вернее сказать, враждебное отношение к вопросу, то есть твердо принятая заранее решимость *ни за что не поверить*, конечно, нарушает необ-

* Роберт Дейл Оуэн (1801-1877) — уроженец Шотландии, живший с 1825 г. в США, видный политик-демократ, социальный реформатор, убежденный социалист и спиритуалист. В 1881 г. на русском яз. вышла его кн. «Спорная область между двумя мирами: Наблюдения и изыскания в области медиумических явлений».

ходимую для успеха гармонию. Преодолеть такую важную помеху может присутствие только очень сильного медиума, — тем же серьезным тоном ответил сэр Гарлей.

— Ты своей враждебностью, Поль, даже мешаешь мне расспрашивать сэра Гарлея, — нетерпеливо сказала графиня, — ты бы отправился лучше гулять.

— В эту-то темень, — засмеялся молодой человек. — Ты лучше совсем прогони меня, если я тебе неприятен.

— Можешь уезжать, я тебя не удерживаю, — вспылила хозяйка, утомленная принуждением, выпавшим на ее долю в продолжении всего вечера.

— А я, напротив, желал бы убедить вашего кузена, графиня, принять участие в нашем первом опыте. Я предвижу в нем хорошего медиума, — сказал сэр Гарлей.

— А, медиум! — воскликнул Поль. — По каким признакам вы это видите?

— По вашей нервности, нетерпеливости, по бледному, совсем прозрачному цвету вашего лица, по особому, быть может, для других и неуловимому выражению глаз, точно смотрящих внутрь себя. Но, быть может, я и ошибаюсь в вас; в этом так мало еще исследованном вопросе ничего нет законченного, определенного. Я знал медиумов — правда, преимущественно для физических явлений — полных, румяных молодцов, дам гигантского роста и телосложения, повидимому, совсем не нервных. В вас же я предвижу медиума для явлений более высшего порядка.

— Эти-то явления и интересуют меня со слов Дэль Оуэна, — сказала графиня. — Нет, Поль, теперь я тебя не отпущу, ты должен выслушать сэра Гарлея и непременно ему поверить.

— Но сегодня сеанс невозможен, стало быть, и я вам не нужен, — возразил обидчиво молодой человек. Нелюбезность хорошенъкой хозяйки, к которой он чувствовал привязанность несколько более теплую, чем к другим своим кузинам, задела его за живое.

— А ты все-таки останешься и даже непременно поверишь сэру Гарлею, — сказала графиня, ласково взглянув на кузена. Она отлично сознавала свою власть над молодым

человеком.

Поль, конечно, остался.

В эту минуту блеснула яркая молния и вслед за ней раздался такой страшный удар грома, что даже все стекла в даче задрожали. Гроза, видимо, приближалась. Поль невольно вздрогнул и по еще более побледневшему лицу его пробежала легкая судорога.

— Вот как вы нервны, — сказал сэр Гарлей, — нервнее обеих дам!

— Вы ошибаетесь, я совсем не боюсь грозы, а напротив, очень ее люблю, — почти обиделся молодой человек.

— Я и не утверждаю, что вы боитесь грозы: вы можете любить ее, как и всякое другое сильное ощущение, но она все-таки не ладит с вашим организмом. Дух ваш и бодр, может быть, а плоть все-таки немощна наперекор вашей воле. Не перейти ли нам в комнаты, графиня, я бы не желал, чтобы наш медиум пришел в слишком нервное состояние. Я давно наблюдаю за тучей; теперь мне сдается, что она пройдет мимо, разрешится дождем не здесь, а нам только очистит воздух и тогда можно будет попробовать...

— Ах, как это было бы хорошо! — воскликнули в один голос обе дамы.

— А пока выберем комнату и посидим в ней покойно с полчаса. Замечено, что такой сбор заранее всех членов кружка на месте, выбранном для сеанса, всегда более или менее способствует его успеху.

Графиня повела своих гостей по всей даче.

— Вот эта комната совсем подходящая, — сказал сэр Гарлей, останавливаясь в столовой, — всего одна дверь, мы обязательно запрем ее и сквозного ветра не будет. Откроем наверху всех трех окон форточки и в комнате окажется достаточно прохладно. Ни зеркала, ни металлов в ней нет, одно дерево и бумага. Все это отличные физические условия.

— Разве нельзя сидеть в комнате с зеркалами? — спросила баронесса.

— Я не говорю нельзя, часто сидят и не без успеха. Я указываю вам самые идеальные условия, к числу которых, как дознано, принадлежит отсутствие зеркал и металлов.

А вот и отличный стол для нашего маленького кружка, — прибавил путешественник, указывая на небольшой, почти четырехугольный столик, на котором обыкновенно ставилась закуска. — Мебель плетеная, что тоже весьма выгодное условие. Мягкая мебель для всех членов кружка вообще, а главное, для медиума, никуда не годится.

— Так духи враги всякого комфорта? — сказал Светловский.

Графиня погрозила на него пальцем.

— Ты опять заставляешь сэра Гарлея повторить, что физические условия существуют не для духов, а для приспособления наших организмов к их проявлению через нас.

— Мне приятно убедиться, что вы, графиня, отлично меня поняли, — сказал сэр Гарлей, пододвигая ей стул к избранному им столику.

Усевшись, общество стало с нетерпением прислушиваться к удалявшимся, но все еще сильным раскатам грома.

— Физические условия вы теперь знаете все, — продолжал путешественник, — и, вероятно, не забудете их, графиня. Позвольте сообщить вам и прочие, чтобы вы могли с успехом продолжать опыты, когда я уеду из Петербурга, если, как я надеюсь, мой первый урок возбудит в вас серьезный интерес.

— Ах, пожалуйста, мы вас слушаем, и я, по крайней мере, не остановлюсь на полпути, пока не добьюсь полного убеждения.

— Вы, конечно, уже знаете, *mesdames*, что причина, производящая явления, заключается в самих сидящих за столом. Иные темпераменты выделяют из себя требуемые для явлений элементы одного рода, другие поглощают их и выделяют другие, противоположные. Темпераменты разнородные, отрицательные и положительные, должны сидеть впереди кружку, не более восьми человек зараз, но достаточно и трех, чтобы составить кружок. Если в кружке есть признанный медиум, его должны посадить лицом к югу или к северу; по обеим сторонам его садятся отрицательные, пассивные личности, а положительные, деятельные натуры на противоположном конце стола. Заметьте раз навсегда, что

если кто остается в комнате вне кружка, он никак не должен сидеть позади медиума, чтобы не отвлекать к себе токов. Не должны садиться за стол больные, это вредно и для них, и для опыта.

— Но как же узнать, кто к какому принадлежит темпераменту? — спросила баронесса.

— Сперва достаточно одних внешних признаков для их различения, как то: белокурый садится рядом с темноволосым, бледный с румяным, человек вялый, покойный с деятельным, мужчина с женщиной и тому подобное... а потом, если ошиблись в размещении, то сообщающаяся разумная сила поправит, укажет, как разместиться, особенно если к ней обратятся с вопросом: правильно ли разместился кружок? Много раз было замечено, что, когда переменили места по ее указанию, явления заметно усиливались и становились разнообразнее.

— Кто же должен спросить ее, медиум? — сказала графиня.

Светловский все еще молчал, считая ниже своего достоинства вмешиваться иначе как иронически в пустой и глупый разговор, но он начинал уже незаметно для себя самого поддаваться влиянию сэра Гарлея.

— Нет, не медиум; медиум должен по возможности оставаться совершенно пассивным. Выбирается один из кружка, человек наиболее хладнокровный и толковый, для постоянного предложения вопросов. Он и руководит сеансом. Одного сеанса в неделю вполне достаточно, если нет особенного желания повторять их чаще, и во всяком случае, не более двух и, по возможности, всегда в один день и час, это очень важное условие успеха. И затем, более двух часов сряду сеанса никак не продолжать.

— Я запишу ваши указания, — сказала графиня.

«Стоит», — подумал Светловский, но в ту же минуту сошел, наконец, что и его самого интересует глупый разговор настолько, что он был бы очень недоволен, если бы его попросили удалиться.

«Все Вера, она делает со мной все, что хочет», — продолжал он свою искреннюю думу.

— Но главные условия успеха, это все же условия психические, ибо проявляющая себя сила — психическая по преимуществу. Так и назвал ее наш английский ученый Крукс*, много и серьезно занимавшийся исследованием медиумических явлений.

Итак, всякое умственное возбуждение действует вредно. Люди, враждебные друг другу, не должны садиться вместе, чтобы не нарушать внутренней гармонии. Собственно, не неверие, а враждебное отношение к медиумическому вопросу мешает более всего. Людей, положительно враждебных ему, лучше не принимать в кружок и даже не допускать их оставаться в комнате во время сеанса.

— Каким же образом может, в таком случае, убедиться неверующий? — спросил опять не без иронии Светловский.

— А вот это я сейчас покажу вам, как, убедив вас самих в подлинности явлений, и это не позже, как сегодня же вечером. Вы неверующий, но не враждебный, каким себя воображаете, каким был, например, наш ученый Тиндалль**, почему и не мог никак убедиться. За человека, враждебного вопросу, при наших неопределенных силах, я бы и не взялся... Но слышите, гроза окончательно удалилась, грома уже не слышно, а воздух очистился, атмосферные условия самые благоприятные. Запрем двери и начнем сеанс, то есть положим на стол руки так, чтобы ладони касались дерева.

— Я полагаю, стол надо передвинуть в этот угол на середину, — сказал Поль.

— Конечно, — ответил Гарлей, присоединяя дело к слову.

— Но я слышала, что стол должен быть непременно круглый, — сказала баронесса.

* У. Крукс (1832-1919) — английский химик и физик, первооткрыватель таллия; с 1860-х гг. изучал спиритуалистические явления, в 1896-1899 гг. состоял председателем Общества психических исследований, в 1907-1912 гг. президентом Клуба привидений.

** Д. Тиндалль (1820-1893) — известный английский физик и популяризатор науки, выступавший против спиритуализма.

— Форма стола безразлична, но раз мы усядемся за него, лучше не вставать, не принимать со стола рук, чтобы не прерывались токи. Необходимо озабочиться, чтобы никто не помешал нам.

Позвонив, графиня приказала вошедшему лакею приготовить чай и закуску в гостиной к часу, а до тех пор не входить в столовую ни под каким предлогом, и заперла дверь на задвижку за удалившимся лакеем.

— Как же нам садиться, кому на какое место? — спросил уже Светловский, а сэр Гарлей улыбнулся его видимому нетерпению.

— Пока признанного медиума между нами нет, попробуем сесть по внешним признакам наших темпераментов вперемежку. Я — брюнет, попрошу м-г Поля и графиню, блондинов, сесть по обе мои стороны, а баронессу-брюнетку — напротив. Если ничего у нас не выйдет через полчаса, мы попробуем пересесть по различию полов.

— Вы, как человек опытный, будете вести беседу, — сказали в один голос обе дамы, положив на стол ладони.

— Хорошо, если только будет с кем, — улыбнулся сэр Гарлей.

— А теперь, что же, надо молчать? — спросил Поль.

— Покойный разговор, особенно касающийся спиритизма, скорее полезен; вредны бывают споры и вообще всякое возбуждение или напряжение мыслей, выводящие из пассивного состояния. Хорошо было бы послушать пение или музыку.

— Но ни у кого из нас нет голосов, — сказала баронесса, — разве у вас, сэр Гарлей?

— К сожалению, и я не пою, но ведь это и не необходимо. Я высказываю вам только все подходящие условия. Полезно бывает читать вслух хорошую, серьезную книгу, тоже как средство для гармонизации кружка.

— А вот на чем же будем мы записывать сообщения? Я забыла приготовить бумагу, — сказала графиня.

— У меня есть записная книжка, я положу ее на стол вместе с карандашом, — ответил сэр Гарлей, вынимая свой портфельчик и раскрывая его на чистой странице.

— Хорошо ли держим мы руки? — спросил Светловский, уже успевший всей душой заинтересоваться делом.

— Прекрасно, все в порядке.

В эту минуту, как бы в подтверждение его слов, в столовнице послышался легкий скрип, и стол точно дрогнул.

— Это что такое? — встрепенулась баронесса.

— Успокойтесь, может быть, еще ничего: во-первых, слишком что-то скоро, но если и действительно начинаются явления, волнуясь, вы можете помешать им.

Все невольно замолчали в ожидании. Минут десять ничего не шевельнулось. Поль начинал уже скучать.

— Только-то и было, — сказал он наконец. — Вероятно, ничего более и не будет.

— Как вы нетерпеливы, — возразил сэр Гарлей. — Кружок наш собирается в первый раз и сидим мы не более десяти минут. Мне случалось не раз в первых двух, трех сеансах сидеть по целому часу напрасно и только за четвертым начинались незначительные явления, как то — движение стола и наклоны, заканчивающиеся стуком ножкой в пол. А потом, в следующих сеансах, в том же составе кружка, получались очень интересные и убедительные результаты. Однако, долее часа, при отсутствии всяких явлений, сидеть не следует, и если шесть сеансов сряду ничего не выйдет, надо заключить, что члены кружка не гармонируют друг с другом, и некоторых заменить новыми.

— Сколько вообще должен продолжаться сеанс? — спросила графиня.

— Никак не более двух часов сряду.

— Даже если он будет и очень интересен?

— Ни в каком случае не следует истощать силы медиума.

— Мои уже истощаются, — сказал Поль, с трудом скрывая зевоту.

— Посидите покойно хотя полчаса, нетерпеливый юноша, мне сдается, что у нас непременно что-нибудь да выйдет.

При этих словах сэра Гарлея стол плавно сдвинулся с места на несколько дюймов.

— Видите...

— Да разве мы не могли двинуть его сами?

— Двинуть нам бессознательно довольно тяжелый, хотя и небольшой стол на четырех ножках, поверьте, невозмож но, я докажу вам это по окончании сеанса, а я не думаю, чтобы кто-нибудь из нас добровольно морочил других. С таким столом и наклоны очень затруднительны, для них надо употреблять порядочную мускульную силу, следовательно, если они будут, то, несомненно, медиумического свойства.

Стол опять двинул ся в противоположную от Поля сторону, в этот раз с большим треском и не менее как на поларшина. Баронесса вздрогнула. Снова настало затишье. Поль, не веривший медиумическому свойству явлений, не выдержал скуки, откровенно зевнул и извинился. Вдруг стол значительно наклонился в его сторону и так и остался в наклонном положении.

— Если движение это происходит с помощью мускулов, вы одни могли произвести его, — сказал сэр Гарлей.

— Я ровно ничего не делал, никакой силы не употреблял, руки мои лежат совершенно спокойно, смотрите, — возразил Светловский.

Стол, не опускаясь до пола, три раза наклонился в противоположную от Поля сторону.

— Эти три наклона означают, что сообщающаяся с нами разумная сила подтверждает ваше заявление.

— Как так? не понимаю.

— Очень просто. Вообще у спиритуалистов принято признавать число три за утвердительный знак, а один за отрицательный. Пять же наклонов или стуков будут означать требование азбуки. Согласны вы на это условие? — прибавил путешественник, обращаясь как бы к столу.

Последовало три наклона, сопровождаемые тремя легкими тресками в столешнице.

— Хорошо ли мы сидим?

Один наклон, вместе с которым стол опустился на пол, сильно застучав.

— Кто должен пересесть, графиня?

Стол приподнялся опять и беззвучно наклонился в ее сторону три раза.

— Она должна сесть возле т-г Поля?

Три наклона в ту же сторону.

— А я напротив его?

Три наклона и при последнем стол опять со стуком опустился на пол. Места переменили, и сэр Гарлей продолжал:

— Кто наш медиум, графиня?

В столешнице раздалось пять слабых, но совершенно отчетливых стуков.

— Слышите, *mesdames*, это очень замечательное явление для первого сеанса. Стуки в столешнице не всегда появляются и после нескольких сеансов. Я заключаю из этого, что между нами находится очень сильный медиум.

Два стука.

— Что это значит? Не один, а два медиума?

Стол опять приподнялся и три раза беззвучно наклонился в сторону баронессы, и тотчас же вслед за наклонами в столешнице раздались пять частых и довольно резких стуков.

— Собеседники наши нетерпеливо требуют азбуки, — пояснил сэр Гарлей. — Какую же азбуку должен я говорить, русскую?

Один стук.

— Латинскую?

Три стука.

— Я начинаю.

По стукам, раздававшимся на некоторых буквах, сложилось слово *Поль*.

— Видите, я угадал, вы мед... — заговорил сэр Гарлей, но речь его была прервана частыми, нетерпеливыми стуками в столешницу, и он опять принялся за азбуку.

Сложилось слово *Мари* — имя баронессы.

— Так и я медиум? — воскликнула она.

Три стука и затем, после очень короткого промежутка, целый ряд все усиливающихся стуков, не менее двадцати,

между тем как стол приподнялся очень высоко и оставался в наклонном положении.

— Это что значит? — спросила графиня.

— Полагаю, не что иное, как указание, что медиумическая сила прибывает; нам, некоторым образом, показывают, что они в состоянии сделать.

Три утвердительных стука, и потом стол опустился на пол почти беззвучно. Все затихло минут на пять.

— Это всегда так бывает, как бы приливы и отливы силы.

— Когда стуки возобновятся, — сказала графиня, — я бы желала спросить, в виде проверки правдивости их ответов, будет ли успех в задуманном мною деле, и пускай скажут, но только иносказательно, для меня одной понятным образом, в каком именно деле?

Поль подозрительно посмотрел на кузину: ему вошло в голову, что дело это сердечное, и он остался очень доволен ответом сэра Гарлея.

— Не могу посоветовать вам этого вопроса, графиня, ведь это было бы нечто вроде гаданья, а серьезные спиритуалисты не позволяют себе спрашивать о будущем и вообще делать вопросы, касающиеся земных интересов, и даже не верят предсказаниям произвольным, без вопроса с их стороны. Нам не дано знать будущего, предсказаниями занимаются шаловливые личности между сообщающимися, чтобы морочить суеверных и легковерных среди нас.

Послышались три довольно сильных стука и опять все притихло.

— Слышите, слова мои подтверждаются и нашими невидимыми собеседниками.

— Так каким же образом можно убедиться, что они говорят правду и, вообще, проверить их? — спросила баронесса.

— Только не гаданьем, а вот вам один из способов проверки. Если бы было названо имя какого-нибудь отшедшего родственника или друга вашего, потребуйте от него доказательств своей тождественности с названным лицом, каких-нибудь подробностей из его земной жизни, неизвестных

медиуму. Бывали случаи, когда сообщались такие даже никому из присутствующих не известные подробности, и по проверке оказывались справедливыми.

В эту минуту стол опять задвигался то в одну, то в другую сторону, потом наклонился к баронессе и начались стуки.

Сосчитав их пять, сэр Гарлей принялся за азбуку. Водворилось глубокое молчание, прерываемое частыми единичными звуками. Графиня, не снимая левой руки со стола, правой записывала указываемые буквы. По мере слагавшейся речи, лицо ее принимало все более и более серьезное выражение.

— Что такое, Вера? — не утерпел спросить Светловский.

— Не мешай, очень интересно.

Стуки вдруг переменили направление, из стола перешли в резной деревянный шкаф, находившийся на другом конце комнаты. После нескольких таких стуков Поль вспыхнула.

— Я должен сознаться, — сказал он, обращаясь к сэру Гарлею, — что я подумал в эту минуту, не вы ли ухитряетесь как-нибудь стучать в стол. Надеюсь, вы простите мое невольное недоверие, все это так чудесно!

Путешественник ответил ему снисходительной улыбкой. Вдруг стуки прекратились.

— Вы помешали, т-г Светловский, — укоризненно сказала баронесса.

— Нет, речь закончилась. Слушайте, Мари, она относится к вам.

— «Мари должна исследовать легенду своего замка и помочь страждущим душам успокоиться. Тогда они перестанут тревожить живущих», — прочитала графиня.

— Но как же я это исполню, я боюсь! — воскликнула молодая женщина

Опять пять стуков, и по азбуке сказано:

«Азбуку надо написать и молча указывать на нее».

Сэр Гарлей поспешил исполнить требование в своей книжке и, вырвав из нее листок, подал его графине вместе с карандашом.

— А вы одолжите мне шпильку, я буду указывать ею по

буквам.

Стуки тотчас же возобновились и в этот раз перешли в стул, занимаемый Полем. То были какие-то особенные, дребезжащие звуки, и не единичные, а целыми группами в три-четыре стука. Сэр Гарлей приостановился с азбукой.

— Как это странно, — сказал Поль, — я чувствую, как соединается всякий раз спинка моего стула.

— Сообщающаяся сила особенно старается убедить вас в ее неподдельности, — ответил ему путешественник с той же снисходительной улыбкой. — Верите вы теперь?

— Верю поневоле, хотя и не хотелось бы. Неужели же я сделаюсь спиритом? Это черт знает что такое! — воскликнул молодой человек.

В ответ на его восклицание раздались в стуле графини пять обыкновенных стуков. Сэр Гарлей начал молча указывать на азбуку, хозяйка пристально следила и записывала.

«Не черт, а мы знаем, и вы можете узнать, если захотите серьезно вникнуть в дело», — прочитала она, сильно удивленная. Никто не успел еще сделать замечания, как стуки возобновились на этот раз в спинке стула баронессы, и она вздрогивала при каждом стуке. Продолжались они очень долго; наконец, графиня прочитала законченное сообщение:

«15 июня, ровно в 10 часов вечера, час катастрофы, Адольф и Мария должны сесть в кабинете за столик. Треска не будет, шагов она в кабинете не услышит. Им откроется грустная исповедь предков; и они узнают, что нужно сделать для успокоения страждущих душ. До тех пор не надо ничего говорить старому барону».

Баронесса сидела бледная, не переводя дыхания.

— Я никогда не осмелюсь, — прошептала она.

На стенных часах пробило половина первого. Сэр Гарлей встал.

— На первый раз довольно, пора отдохнуть, а баронессе успокоиться, да и м-г'у Поля тоже. Посмотрите, как вы побледнели, неверующий юноша.

— Почему бы не попросить их рассказать нам легенду сегодня? — сказала графиня.

— Если отложили до июня, то никак не скажут, — возразил сэр Гарлей.— На следующем сеансе, вы, конечно, этим одним не ограничитесь — попробуйте спросить и вы убедитесь, что я прав, хорошо знаю нравы и обычаи наших невидимых собеседников. Теперь же, графиня, я попрошу вас дать нам скорее чаю, баронессе надо подкрепить свои силы.

Перешло общество в гостиную все в том же торжественном настроении, и сначала молча принялось за чай, разливаемый самой хозяйкой, но мало-помалу разговор ожидался.

— Вы не думайте, *mesdames*, что сеансы всегда бывают так удачны, — говорил сэр Гарлей, — нам для первого опыта необычайное счастье, вероятно, потому, что кроме других подходящих условий и нашего серьезного психического настроения, нас собралось по два парных темперамента, что случается очень редко. Наша любезная хозяйка, несмотря на свои белокурые волосы, я уверен, обладает темпераментом положительным. Не правда ли, графиня, у вас твердый, самостоятельный характер?

— Кажется, — ответила вдовушка, улыбаясь.

— Наверно положительный, а я, хотя и брюнетка, а силой воли не отличаюсь, и чувствую, что не решусь сесть за столик в замке, — прибавила баронесса, содрогаясь.

— Хочешь, Мария, я в будущем июне приеду к вам в гости, авось при мне ты не побоишься. Сядем за стол вместе; ты, наш медиум, по середине, а мы с бароном по сторонам твоими ассистентами. Я берусь уговорить твоего мужа на опыт, со мной он не заупрямится.

Вдруг в самой отдаленной панели раздались три сильных стука. Все, кроме сэра Гарлея, вздрогнули.

— Чего же вы испугались? Это только доказывает силу наших медиумов, а еще и то, что токи наши так хорошо слились, что не успели разъединиться; все это, вместе взятое, дало возможность нашим собеседникам выразить свое одобрение планам графини. Однако, *mesdames*, вам пора отдохнуть, до свидания.

Поль тоже взялся за шляпу.

— Когда же еще сеанс, сэр Гарлей? — спросила хозяйка.

— Когда прикажете, только советую дать себе хотя трехдневный отдых.

— Стало быть, в четверг, прекрасно!

— А как же я? — воскликнула баронесса. — Впрочем, напишу мужу и пробуду лишних два дня в Петербурге, а сегодня, Вера, ты положишь меня в твоей спальне, одна я ни за что не усну.

ВЕЧЕР В ЗАМКЕ

ГЛАВА I

Около шести часов вечера, 12 июня 188... года, к одной из маленьких станций Митавской железной дороги медленно подходил почтовый поезд. Из окна единственного вагона 1-го класса выглядывала хорошенъкая белокурая головка в черной круглой шляпке; карие глазки ее нетерпеливо искали кого-то на платформе и, по-видимому, не находили. На выразительном, несколько утомленном личике хорошенъкой путешественницы появилось досадливое недоумение.

«Мари обещала выехать сама на станцию, — думала она, нетерпеливо пробираясь к выходу, — что же я буду делать, если не найду и экипажа».

В эту минуту поезд остановился. Начинал накрапывать дождик. К молодой женщине подошел один из ее спутников, предлагая свои услуги.

— Вы чем-то озабочены, графиня, — сказал он, сводя ее на платформу.

— Боюсь, что моя телеграмма не дошла вовремя, — отвечала она, продолжая всматриваться в окружающую ее немногочисленную публику, но едва успела она выговорить эти слова, как к ним подошел старик высокого роста, с аристократической осанкой.

— Графиня Воронецкая, если я не ошибаюсь? — заговорил он по-французски, снимая шляпу и обнажая совсем седую, почти белую голову с густыми, коротко подстриженными волосами. — Позвольте представиться, — барон Ф., отец Адольфа. Я никому не хотел уступить чести встретить вас, графиня, на границе моих владений, и перебил ее у сына; Мари же извиняется, она не совсем здорова.

— Это более чем любезно с вашей стороны, барон, — отвечала графиня, протягивая ему руку, — мне даже совестно,

что вы взяли на себя труд выехать ко мне навстречу по дурной погоде.

— Это не труд, а удовольствие, графиня, я почти радуюсь нездоровью моей молодой хозяйки, доставившей мне случай заменить ее, — проговорил барон с любезностью старинного пошиба.

— Надеюсь, она больна не серьезно?

— Маленькая простуда, вчера она до солнечного восхода просидела на балконе. Адольф испугался. Молодые, неопытные мужья всего боятся, я и заставил его остаться дома с женой.

Отдав приказание сопровождавшему его ливрейному лакею позаботиться о горничной графини и распорядиться багажом, барон повел свою гостью к карете.

— Я тем более спешил познакомиться с вами, графиня, заговорил он, когда экипаж тронулся, — что завтра утром неотлагаемое дело заставляет меня ехать в Ригу, но я надеюсь, что вы утешите Мари, погостите у нас подолее.

— А вы скоро вернетесь, барон? — спросила графиня, внутренне улыбаясь этому отъезду, подтверждавшему рассказ ключницы.

— 16-го к вечеру я буду дома. Как ни рады мы вашему посещению, а я все же предпочел бы, чтобы вы приехали недельками двумя позднее, когда расцветут липы и каштаны, чтобы увидать наш старый парк в полном уже блеске, тогда мне не пришлось бы оставлять такую дорогую гостью.

«Понимаю, тогда прошло бы и роковое 15 июня», — подумала графиня.

— А меня, барон, особенно интересует ваш древний замок, — прибавила она громко. — Мари мне так много наговорила про Северную башню, про ее любимый кабинет со старинными обоями из кожи и огромным камином, где можно изжарить зараз целого быка.

— И верно, рассказала про таинственные стуки, которые пригрезились ей прошлым летом, и право, графиня, я боюсь за ваши нервы, если вы наслушались нашей трусихи и, как она, верите в привидения?

— У меня совсем нет нервов и я ничего не боюсь, даже

и привидений, и очень желала с ними познакомиться.

Графине показалось, что барон сделал гримасу, его точно передернуло.

— Вот поймите молодых женщин, — заговорил он через минуту. — К их свадьбе я заново отдал новую пристройку, приготовил ей прелестную спальню и кабинет, где мы будем иметь удовольствие принимать вас, а Мари непременно захотела жить в самых сырых и неприветливых комнатах замка.

— Я ее вполне понимаю; у кого нет прелестной спальни! Такой же редкостью, как ваша Северная башня, владеют немногие. Надеюсь, что у вас сохранился и подъемный мост, барон?

— Вот мы к нему-то и подъезжаем. Но он уже давно не подымается, к великому огорчению Мари.

Молодая баронесса встретила свою гостью на парадной лестнице, и, сочувствуя ее нетерпению, не дожидаясь чая, тотчас же повела графиню осматривать замок.

— Вот здесь, — шепнула она, когда, пройдя несколько больших и маленьких комнат, отведенных по-старинному, они вошли в огромный кабинет с ярко пылающим камином и приготовленным у балконной двери чайным прибором. — Вот наша любимая комната, мы с Адольфом сидим здесь целые дни, — прибавила она громко, — только папа ее за что-то не любит.

— И ни за что не позволю, как хотите, пить здесь чай: во-первых, здесь в дождик сыро, во-вторых, это непорядок. Я сейчас распоряжусь, чтобы чай приготовили в столовой, — сказал старый барон, сопутствовавший дамам в осмотре замка, которым видимо гордился.

— А я, в таком случае, поведу Вера в ее комнату, — сказала баронесса, давно жаждавшая остаться наедине со своей гостью.

Путь на южную сторону замка, где в новой пристройке приготовлены были комнаты для графини, лежал через портретную галерею. Как ни чувствовала себя Вера утомленной, а не могла не остановиться перед старинными портретами рыцарей и их чопорных жен в костюмах прошлых столетий, большей частью с розой или с птичкой в руках. В

начале галереи ее поразило пустое место между двумя баронами самого свирепого вида.

— Что значит эта пустота? — спросила графиня.

— Здесь был портрет одной баронессы Ф., запятнавшей семейную честь своим поведением, его сняли и не захотели заменить другим; ни один барон и ни одна баронесса не согласились занять место обесцененной женщины. Так объяснил мне папá.

— А что говорит ключница? — спросила Вера. — Ты, вероятно, ее расспрашивала.

— По ее словам, существует преданье, что будто не раз пробовали вешать на это место другие портреты, но ни один не оставался на стене; как ни старались укреплять его, на следующее утро непременно находили его на полу; так и бросили. По возвращении моем из Петербурга прошлым летом, я вздумала повесить сюда мой портрет в старинном костюме, помнишь, нарисованный с меня после маскарада, в котором я пленила Адольфа, но папá ни за что не позволил, а обыкновенно он меня очень балует, исполняет все мои фантазии. Мне стоит сказать слово, и все является.

— Стало быть, тут есть какая-нибудь связь с 15 июня?

— Очень может быть, но этого мне ключница не говорила. А вот и южная половина, и твоя спальня, — сказала баронесса, отворяя, после нескольких переходов, дверь в небольшую, но изящно отделанную комнатку, меблированную по-модному, мягкой мебелью. — Сядем здесь и поболтаем. Это должна была быть моя спальня, но прошлого года я бредила стариной и непременно захотела жить в Северной башне.

— А теперь желаешь?

— То есть... по правде сказать, здесь мне дышится легче, особенно теперь, как приближается 15 июня, но я не хочу, чтобы Адольф считал меня трусихой, почему и не соглашаюсь перейти сюда, о чем папá и Адольф просили меня еще раз на этих днях, когда пришло письмо, предупреждающее о твоем скором приезде. Знаешь, Вера, я уже несколько дней сряду постоянно вижу во сне красивую женщину в старомодном костюме вроде тех, которые на здешних портретах; она

стоит в дверях спальни и показывает рукой в сторону лестницы, ведущей в верхний этаж.

— И ты, верно, рассказала свои сны мужу, трусиха?

— Нет, не рассказала, а то он непременно бы увез меня куда-нибудь от 15 июня, но вчера я просидела всю ночь на балконе, только бы не ложиться в постель, и простудилась.

— Ну и что ж, ничего не видала позднее, когда легла?

— Видела ту же женщину, только не так ясно.

— Так ты очень боишься?

— Вообрази, как странно: с тех пор, как ты приехала, не боюсь... да, ничуть не боюсь, и даже как будто чувствую, что сегодня ничего не увижу во сне. Надо тебе признаться, что выезжай ты днем позднее, я бы, кажется, позволила Адольфу уговорить себя послать тебе телеграмму, что мы ждем тебя после 20-го, а теперь уезжаем в Ригу по делу.

— А он разве тебя уговаривал?

— Как же, три дня приставал; твоя телеграмма о выезде положила конец нашему спору.

— Стало быть, он сам боится?

— Нет, он ничему не верит, смеется над нами, а я этого терпеть не могу, когда он смеется. Бряд ли согласится он сесть за столик.

— Это уж мое дело, раз твой *beau-pere** уедет, как он уже сказал мне. Мне сдается, что и отъезд вас всех в Ригу, — его желание.

— Непременно, и все это связано с 15-м июня, я знаю наверно, что никакого спешного дела у папá нет.

— Так он-то, стало быть, верит?

— Не знаю, я никогда с ним об этом не говорю.

— А с Адольфом Адольдовичем говоришь?

— И с ним не говорю в последнее время, с тех пор, как весной гостил у нас дядя Николай Сергеевич, которому я имела глупость рассказать прошлогоднюю историю; он своими рассуждениями, а еще более насмешками, я думаю, сбил Адольфа с толку; теперь Адольф уверяет, что над нами подшутил сэр Гарлей, что он выучился этим фокусам в Индии.

* Свёкор (*фр.*).

— Вот прекрасно, а мои зимние сеансы с Полем? Мы в Индии не были, но я рассказывала о них твоему мужу, когда он был зимой в Петербурге, и мне казалось, что он верит.

— Все это было прежде, до приезда дяди. Мы даже пробовали в Риге садиться с ним за столик, здесь я боюсь...

— И что же, вышло что-нибудь?

— Ничего особенно интересного, стол двигался, но на меня всякий раз нападал такой давящий сон, что мы поневоле бросали..

— Жаль, что бросали, ты, может быть, впадала в транс.

— В транс? что это такое?

В эту минуту лакей пришел доложить, что чай подан, и разговор приятельниц прекратился. Ночью Вера подумала, что лучше и не возобновлять его до отъезда старого барона, а там, каким бы то ни было путем, а переупрямить молодого.

ГЛАВА II

После покойной ночи без всяких сновидений, молодая баронесса встала на следующее утро в прекрасном расположении духа. Она весело прибежала сказать приятельнице, что ровно ничего не боится и даже с нетерпением ожидает рокового вечера.

— Только бы папá не вздумал остаться дома, ему видимо не хочется уезжать от тебя; ты совсем его победила, — прибавила она шутливо.

Однако владелец майората не забыл роковой необходимости своего отъезда, а только отложил его в честь дорогой гости с утреннего поезда на вечерний. День весело прошел в прогулках пешком и в экипаже по парку и его окрестностям. Проводив старого барона на станцию железной дороги, молодые люди занялись музыкой. Графиня была хорошей музыкантшей, а барон Адольф владел очень прият-

ным тенором; вечер прошел незаметно, ни о чем таинственном не было и помина. Прощаясь на ночь с своими хзяевами, графиня заметила им, что ей показали далеко не весь замок, и барон с удовольствием обещал повести ее всюду, куда только она ни пожелает.

— С чего же начнем мы дальнейший осмотр ваших редкостей? — спросила на другой день графиня, как только окончился второй завтрак. — Я хочу все видеть, начиная с подземелий и кончая чердаками.

— Всем, что есть у нас интересного, мы уже похвастались перед вами, графиня, — отвечал молодой хозяин, — осталось несколько нежилых, совсем пустых комнат на западной стороне, где во времена нашего могущества проживали самые преданные из вассалов, составлявшие двор владельца. Там теперь, кроме пыли, вы ничего не найдете. Подземелья же и потайные ходы заложены кирпичом еще при моем деде, после того, как в них забралась целая шайка воров.

— Ведите меня в южную башню, я еще там не была.

— Верхний этаж южной башни тоже давно замурован из предосторожности, чтобы она по ветхости не рухнула, а через нижний вы проходите всякий раз, как идете к себе. Северную башню мы вам показывали.

— Не всю, я заметила налево от лесенки, ведущей в бойницу, железную дверь.

— За этой дверью находится не что иное, как кладовая с разным неинтересным хламом.

— Каким хламом?

— Старинной и более новой, но совсем переломанной мебелью, никуда не пригодными седлами и тому подобное. Одним словом, таким хламом, который давно бы пора сжечь.

— А мне все-таки хочется посмотреть его.

— Если вам угодно, пойдемте, — ответил барон, вставая.

— Но я, право, не знаю, где ключ от этого сокровища.

— Управляющего, — сказала Мари и позвонила. Вшедший лакей объявил, что управляющий уехал рано утром в город и вернется только завтра к вечеру.

— Ах, какая досада! — воскликнула графиня.

— Не понимаю, Вера: чем этот хлам может интересовать

тебя? Я входила в кладовую, ничего там нет, что бы стоило смотреть.

— А мне сейчас пришла мысль, что в этой кладовой, если хорошенько разобрать ее, найдется клад.

Баронесса расхохоталась.

— Какое у тебя пылкое воображение, Вера.

— Да, клад, я в этом почти уверена, или, по крайней мере, что-нибудь очень интересное, недаром таинственные шаги повернули на лестницу, то есть к кладовой, и там исчезли.

— А вы все еще верите этой сказке, графиня, не забыли ее?

— Как сказке? Разве не вы сами рассказывали мне зимой...

— Зимой я еще не разобрал, откуда происходили стуки, а теперь знаю, потому что опять их слышал и понял...

— Что же вы поняли?

— Это не что иное, как штукатурка, которая осыпается за обоями. Ведь это страшная старина, графиня, обоям чуть ли не сто лет, а семьдесят пять наверно будет.

— Пустяки, Адольф, — вмешалась баронесса, — то, что мы слышали весной при дяде, имело совсем другой звук.

— Точно можно сравнивать звуки на расстоянии нескольких месяцев.

— А шаги в коридоре, это тоже штукатурка? — продолжала баронесса.

— Мало ли что покажется, когда нервы глупо настроены.

— А наши сеансы, ведь вы им верили, барон? — сказала Вера.

— Сэр Гарлей подшутил над вами... Послушайте, милая графиня, будьте же разумны, подумайте: разве можно верить вашим духам, подымающим столы,двигающим мебель и звонящим в колокольчики? Что за детская забава! Нежужели, если б отшедшие в иной, надо полагать, в лучший мир, имели возможность и желание являться к нам, они не придумали бы что-нибудь умнее разговоров посредством каких-то глупых стуков? Просто бы явились и сказали, что им

нужно.

— Ах, Адольф, — вскрикнула баронесса, — ради Бога, не накликай!

— Как тебе не стыдно, Мари, верить такой нелепости! Никак я не ожидал, чтобы ты была так суеверна. Никто не явится, успокойся.

— А я не поручусь, барон, если вы серьезно бросите им вызов. Разве не бывало явлений, засвидетельствованных в государственных исторических архивах; например, появление белой женщины* в некоторых королевских и княжеских замках в Германии.

— Оставим исторические явления, графиня, никто из нас их не видал. Мало ли какого вздора заносилось в архивы в темные времена суеверия и вандализма. Вы лучше извольте мне ответить по пунктам на мои возражения насчет современных духов.

— Готова, барон; с чего же мне начинать, вы задали мне столько вопросов.

— Хотя с того: если духи существуют, почему не являются они прямо?

— Я отвечаю, что являются, когда есть для того подходящий проводник или медиум; доказательство: опыты Крукса с мисс Кук**, если уже вы не захотите принять за вполне достоверное — описание многочисленных опытов Робертом Дэль Оуэном. Я никак не могу допустить, чтобы такой знаменитый ученый, как Крукс, привыкший к точным исследованиям, мог позволить обмануть себя молоденькой девушке, гостившей у него в доме. Все опыты происходили в его химической лаборатории. Возможно ли думать, чтобы доступ в нее был настолько легок, чтобы кто-нибудь, без его ведома, мог готовить там сценические превращения?

* Призрак, якобы предупреждавший о грядущей смерти; образ грозящей кайзеру Белой дамы широко использовался позднее в русской пропаганде времен Первой мировой войны.

** Флоренс Элиза Кук (ок. 1856-1904) — медиум, прославившаяся материализациями духа по имени «Кэти Кинг», которые Крукс и ряд других спиритуалистов считали истинными.

Барон молчал.

— Еще менее допускает мой разум возможность, — продолжала, не дождавшись ответа, графиня, — чтобы Крукс согласился, в ущерб своей ученой репутации, засвидетельствовать такое поразительное явление, как материализация, если б сам не был убежден в нем.

— Я книги Крукса сам не читал, и не знаю, насколько достоверны показались бы мне его сообщения о виденных им чудесах, но они все-таки не объяснили бы мне, зачем духи занимаются такими пустяками, как поднятие столов и прочее.

— И для этих явлений, как и для всяких других, несомненно, существуют законы, к сожалению, очень мало исследованные. Согласна с вами, что так называемые физические явления грубы и как будто бессмысленны, но причиной этому мы сами: наше грубое непонимание и грубое отношение к духовному миру. Могут проявлять себя нам только те, кто нам сродни; и все-таки они достигают своей главной цели, — заставить многих признать свое существование. Передвижение мебели без всякого к ней прикосновения, звон колокольчиков, даже стуки, если они очень сильны, все это так объективно, что нет возможности усомниться в реальности явления.

— Вы хороший ходатай по делам спиритизма, графиня, а все-таки вы не убеждаете меня в разумности ваших духов.

— А вот если бы какой-нибудь из ваших столов, барон, в котором, как вы хорошо знаете, нет никаких машин для поднятия, поднялся бы к потолку, как это не раз случалось в присутствии Юма*, вы бы поневоле согласились, что произошло что-то особенное, противоречащее законам тяготения и никак бы не приписали этого мне, как приписываете стуки штукатурке и сэру Гарлею.

— Пожалуй, что и так... однако все странно...

* Д. Д. Юм (Хьюм, Хоум, Home 1833-1886) — известнейший британский медиум второй пол. XIX в.; в 1858-1884 гг. шесть раз побывал в России, состоял в тесных отношениях с семьей Романовых и высшей аристократией.

— Для тех же, кто иначе относится к духовному миру, кто сколько-нибудь научится понимать его, и проявления бывают иные... Сэр Гарлей рассказал мне, как он не раз получал непосредственным письмом сообщения от имени своей покойной матери, самого возвышенного свойства, действительно достойные своего духовного происхождения, и заметьте еще, ее почерком, конечно, хорошо известным сыну.

— Что такое непосредственное письмо? — спросила баронесса.

— Карандаш сам двигался по бумаге, когда к нему никто не прикасался, и это в виду всех присутствующих. Вот что принято называть непосредственным письмом.

— Я этого не видел и пока верить не могу, — задумчиво сказал барон, — а вот тому, чему учат ваши духи в книгах Кардека*, как хотите, ни за что не поверю. Смешно в XIX столетии христианской эры повторять такие древние фантазии, как перевоплощение душ.

— Этому и я не верю, и вообще нисколько не считаю обязательным верить чему бы то ни было потому только, что это сказано духом. Такой взгляд не у меня одной. Для разумного и серьезного спиритуалиста, поверьте мне, важно и непреложно только одно: факт сообщений, доказывающий наше личное существование после смерти тела; а фактическое доказательство играет, как вы, конечно, согласитесь, барон, самую первую роль в убеждениях интеллигентной среды нашего материалистического века.

— Выходит, что ваши духи врут, — засмеялся Адольф, — вот этого-то я уже никак не ожидал и не понимаю. Помоему, если действительно есть другой мир лучше, выше нашего, то обитатели его никак ошибаться не могут.

— Многие думают так же, как и вы, и в этом-то ложном представлении о духах, как о существах непогрешимых, главная причина всех нападков на спиритизм и его полного не-

* А. Кардек (наст. имя. И. Л. Денизар-Ривай, 1804-1869) — французский преподаватель и исследователь психических явлений, основатель спиритизма и автор основополагающих книг учения.

понимания людьми мало с ним знакомыми, как вы, например. Почитайте побольше спиритуалистических книг и вы убедитесь в противном.

— В чем же противном? Я совсем перестаю понимать вас, графиня, — несколько нетерпеливо возразил барон.

— В том, что опыт людей, много и серьезно занимавшихся исследованием спиритического вопроса, вполне доказывает, что человек по смерти, особенно в своем первом, загробном состоянии, не очищенном еще и непросветленном, остается относительно своего умственно-духовного содержания тем, чем был и до смерти. Видите ли, в природе нет скачков: в существах не абсолютных и бесконечных, какими может только быть один Творец, а ограниченных, какими мы, как создания, неизбежно остаемся навсегда и после смерти тела, все происходит постепенно, а не вдруг; поэтому, кто знаком с вопросом, тот знает, что спиритуальные сообщения полны относительно религиозных, философских и разных других взглядов такого же разнообразия, как и людские верования и мнения.

— Неужели? — воскликнула баронесса.

— Наверно; я в этом убедилась и из разговоров с сэром Гарлеем, и из многих рекомендованных им книг. Опытный спиритуалист, способный анализировать добываемые им факты, никак не будет искать в сообщениях духов непогрешимого источника для своих религиозных или каких бы то ни было взглядов, а отнесется к ним так же критически, как и ко всему, имеющему *не абсолютное* происхождение. Повторяю, важен только факт сообщений и всякого рода медиумических явлений.

— Вы говорите, как книга, графиня, теперь я вас понял, но все-таки...

— Не верите?

Барон молчал.

— Испытайте.

— Пощадите Мари! Ее нервы так расстроены.

— Нисколько! Я совершенно здорова и вот что скажу тебе, Адольф, — если ты не согласишься сесть 15-го за сеанс, предписанный духами во время сеанса с сэром Гарлеем, я

буду гораздо более волноваться нашим непослушанием и, пожалуй, действительно заболею от страха.

— Мари, как не стыдно верить таким глупостям, бояться чего-то фантастического, несуществующего.

— Прекрасно, барон, все это вздор, ничего нет, стало быть, ничего и не будет. Чем же вы рискуете, исполнив желание вашей жены и мое, просто потешив двух суеверных дурочек?

— Знаешь, Адольф, если ты не согласишься сесть за сеанс, для меня и для Веры будет ясно, что ты веришь и боишься.

Барон расхохотался.

— Что будешь делать с женщинами, когда они решили поставить на своем — никакими разумными доводами не разуверишь их! Одно остается — исполнить их фантазию.

— Так ты согласен, даешь слово? — воскликнула баронесса, бросаясь к мужу на шею. — Ты просто у меня, Адольф, сокровище! А теперь пойдемте гулять и будем говорить о чем-нибудь другом. Я ужасно устала, стараясь понимать объяснения Веры.

ГЛАВА III

Несмотря на уверение, что она ничего не боится, 15-го июня баронесса Мария Владимировна проснулась в нервном состоянии и с трудом скрыла свое настроение от мужа.

— Я опять видела ее во сне, — сказала она графине, когда они встретились одни, без барона, за утренним чаем, — а впрочем, может быть, и не ее, но, во всяком, случае что-то нехорошее, страшное.

— И опять начинаешь бояться, трусиха?

— Нет, а впрочем, да... Надо бы куда-нибудь уехать на весь день, рассеяться, а то я, пожалуй, совсем сконфужусь перед Адольфом.

— Какой отличный день, — заговорила графиня, как только барон показался в столовой, — мне кажется, мы не можем выбрать лучшего дня для поездки к развалинам вашей сторожевой башни.

— И прекрасно, — ответил он, — пообедаем пораньше и отправимся.

— Нет, уж если ехать, так теперь, а то непременно опоздаем и не успеем при солнечном свете показать Вере все чудные виды с горы.

— Теперь жарко.

— Стыдитесь, барон, — сказала графиня, — мы, женщины, не боимся солнца, а вы... фуй! не думала я, что вы такой неженка!

Как ни хотелось барону отложить поездку на после обеда, в надежде опоздать к десяти часам, но опять пришлось повиноваться и ехать тотчас же после очень раннего завтрака. Вера превзошла сама себя на прогулке, так была она весела, любезна, разговорчива, любовалась видами, пробовала их срисовывать в захваченный с собой дорожный портфель и от души смеялась над своей неумелостью. Цель ее достиглась вполне: баронесса совсем развеселилась и по временам нашептывала ей, что опять ничего не боится. И барон, по-видимому, забывал об ожидавшем его неприятном испытании; он весело вторил шуткам графини, хотя в глубине души шевелилось неприятное ощущение, во-первых, страха за жену, а потом еще чего-то неопределенного, очень похожего на панический страх, и очень досадовал на свое глупое, нервное настроение, в котором ни за что бы не сознался даже перед женой. Они, несмотря на ранний выезд из дома, вернулись все-таки после семи часов, голодные как волки, по выражению графини.

После обеда они уселись, по обыкновению, в роковом кабинете и пробовали разговаривать и даже спорить о недавно вышедшем английском романе. Как ни старалась графиня поддерживать живой разговор, это удавалось ей с каждой минутой все менее и менее, и вот пробило половина десятого. Все вдруг примолкли, сознавая в себе какое-то особенное, не то торжественное, не то грустное настроение.

— Я совсем не боюсь, — проговорила наконец Мари.

— И смешно бы было бояться, чего? — возразил барон, пробуя рассмеяться, но смех не удался ему, вышло что-то неопределенное.

Графиня встала и начала искать чего-то на письменном столе.

— Что тебе нужно, Вера? — спросила баронесса.

— Ищу бумагу и карандаш, которые приготовила сегодня утром.

— Разве вам угодно написать письмо, графиня?

— Нет, барон, мне угодно сесть за сеанс, пора.

— Так вы непременно хотите?

— Непременно.

— И я тоже, — подтвердила Мари.

Барон встал и машинально, с сильно бьющимся сердцем и путаницей в голове, принялся за приготовления к сеансу, пока графиня поспешила писать латинскую азбуку. Положив ее и еще несколько листов бумаги, также как и карандаши, на заранее выбранный обеими дамами небольшой столик, все уселись в торжественном молчании в самом отдаленном от двери углу кабинета.

— Однако, молчать не следует, — заговорила графиня, излишняя сосредоточенность мешает явлениям.

Никто ей не ответил.

— Спойте нам, барон, песнь Страделлы — «*Pieta, Signore*»*.

— Как, без аккомпанемента?

— Ведь вы очень твердо знаете эту музыку, а она самая подходящая к слушаю.

Барон опять не ответил, он чувствовал, что не мог бы вызвать ни одной ноты из нервно сжавшегося горла.

— Как странно, мне опять непреодолимо хочется спать, — сказала баронесса.

* Имеется в виду т. наз. «Церковная ария» («Помилуй, Господи»), приписываемая итальянскому композитору А. Стаделле (1643-1682), но вероятно, сочиненная в XIX в.

Графиня заметила, что она сильно побледнела, а взгляд ее сонных глаз сделался какой-то странный, точно смотрящий внутрь. Пробило десять, и в ту же минуту стол двинулся, а в столешнице раздалось пять слабых, но вполне отчетливых стуков

— Начинается, — проговорила баронесса сонным голосом.

— Пожалуйста, барон, возьмите карандаш в правую руку, не снимая левой со стола, и указывайте им молча на азбуку, а я буду записывать, — сказала графиня.

Тут послышалось три стука, уже более громких.

— Слышите, это согласие на мое предложение вам.

Барон машинально повиновался. Вскоре посредством стуков сложилась следующая фраза на французском языке:

«Мари должна взять в правую руку карандаш и приложить его к чистому листу бумаги, а другую руку пока не снимать со стола».

Едва успела баронесса исполнить требование, как тотчас же начала дремать, голова ее, мало-помалу, опустилась на машинально приподнявшуюся левую руку, и она окончательно заснула. Сильно испуганный барон едва не вскочил с места.

— Успокойтесь, сидите смироно, вы можете испугать ее, и тогда с ней может сделаться нервный припадок, — шепотом сказала графиня. — Духи не могли придумать ничего умнее, как усыпить ее. Теперь, что бы ни случилось, она ничего не услышит и не будет бояться, только сидите смироно.

— Как, духи усыпили? — спросил барон с растерянной, глупой улыбкой.

— Мари впала в то, что называется *трансом*. Существует, конечно, не более как гипотеза, что медиумический транс ни что иное, как тот же магнетический сон, в котором роль магнетизера исполняют духи.

— Духи, — повторил барон машинально, наподобие эхо. Он боялся взглянуть на жену и продолжал сидеть неподвижно, точно истукан какой, устремив взгляд прямо против себя, в сторону маленькой двери, выходящей в коридор, где прошлого года слышались таинственные шаги.

Прошло в молчании не менее четверти часа, показавшейся барону и графине чуть не целым веком, когда наконец последняя заметила, что карандаш в руках баронессы начал медленно двигаться, издавая легкий скрип.

— Слышите, — прошептала она, обратившись к барону, и тут впервые заметила, что он был так же бледен, если еще не бледнее жены, только глаза его, далеко не сонные, а широко раскрытые и точно прикованные к противоположной стене, выражали непобедимый ужас.

— Что с вами, барон, ради Бога, успокойтесь, поверьте, ничего опасного нет. Транс очень обычное состояние для многих медиумов, и они нисколько от того не страдают.

Барон не отвечал, не шевелился, и Вера поняла, что с ним происходит что-то необычайное. Взглянув по направлению его неподвижного взгляда, она увидела, как маленькая дверь, дотоле затворенная, отворилась сама собой, и в нее проскользнуло что-то неопределенное, бесформенное, точно туман какой; так, по крайней мере, показалось графине. И бесстрашной молодой женщиной внезапно овладел неописанный ужас, она почувствовала, как волосы становятся дыбом у нее на голове. Тут только барон как будто опомнился, глубоко вздохнул, переводя дух, и схватил графиню за руку. Баронесса продолжала писать с полузакрытыми глазами, и теперь карандаш ее двигался с поразительной быстротой.

— Разве вы не видите, не видали? — прошептал Адольф чуть слышно, с трудом выговаривая слова.

Графиня успела уже овладеть собой.

— Что? — ответила она покойно. — Видела, как дверь отворилась, а теперь затворяется сама собой, а вы что видели?

В коридоре послышались тяжелые шаги.

— В эту минуту я слышу шаги в коридоре, — продолжала графиня, — но ведь то же было и в прошлом году. Теперь вы понимаете, как это хорошо, что Мари спит: мы можем ничего ей не рассказывать.

— Так вы не видали того... самого поразительного?

— Кроме отворявшейся двери, ничего не видала, а вы?

— Я видел какую-то странную фигуру огромного роста,

что-то вроде тени, пробиравшуюся вдоль стены от камина к маленькой двери.

— Не была ли это тень от лампы и экрана перед камином?

— Но теперь я ее не вижу, а экран стоит на том же месте. Да это была и не тень, а скорее прозрачный, точно из дыма, облик мужчины в старинной каске. Лица я не рассмотрел, а каску видел совершенно ясно. Подойдя к маленькой двери, он обернулся ко мне, поднял руку и показал по направлению к лестнице.

Баронесса писала с каждой минутой быстрей и быстрей и вдруг остановилась, поставив с шумом точку. Карандаш изломался, а она открыла глаза. Но, хотя она смотрела на мужа и на графиню, переводя глаза от одного на другого, но взгляд ее был какой то мутный, неопределенный; она, видимо, ничего не видала, не вполне еще пришла в себя.

Едва баронесса открыла глаза, как в столешнице раздалось пять громких стуков. Через несколько секунд они повторились, опомнившаяся Вера начала говорить вслух русскую азбуку, и торопливо записывать указываемые буквы. Почему говорила она азбуку русскую, которую даже не знала подряд наизусть, она в эту минуту не отдавала себе отчета, а поняла только после, прочитав подпись говорившего духа.

Сложилась следующая фраза:

«Отведите Машу в столовую и скорее подкрепите ее пищей. До утра ничего ей не говорите и не показывайте, и все обойдется благополучно. Я постоянно была при ней, я ее усыпила, чтобы успокоить и охранить от того, кто заставлял писать ее руку. Софья Литвинова» (Имя покойной матери баронессы Марии Владимировны фон Ф.).

Не потерявши ни на минуту, Вера еще раз прочитала про себя записанное ею и осторожно вынула из-под рук Мари большой лист почтовой бумаги, исписанный старинным немецким почерком. Барон сидел молча, ни в чем не принимая участия.

— Я, кажется, уснула, как досадно! — заговорила Мари, протирая глаза и нервно потягиваясь, едва только почто-

вый лист исчез в кармане графини. — Ну что ж, было у вас что-нибудь?

— Ничего интересного, — поспешила ответила графиня, — все время были стуки в столе и в полу, но на мою азбуку они не отвечали, ничего осмысленного не выходило.

— Стало быть, нас обманули! Досадно и глупо! А я так верила, так ждала 15 июня... Однако, как мне есть хочется, пойдемте чай пить. Я, кажется, даже ужинать буду сегодня.

Баронесса вышла первой из кабинета, и Вера успела шепнуть барону, чтобы он ничего не говорил жене до утра.

— Предоставьте мне рассказать ей все за утренним чаем.

— Вы прочли, что она написала?

— Нет еще... Завтра, завтра все узнаете, а сегодня, ради Бога, молчите.

Чай прошел очень весело для обеих дам, обе кушали с большим аппетитом, барон же едва проглотил один стакан чая, так был он взволнован. Мари не переставала трунить над мужем, над его бледностью и растерянным видом.,.

— Что же, будешь теперь верить, что не сэр Гарлей стучал на нашем петербургском сеансе?..

Как ни весело было графине торжествовать над соперником в лице барона Адольфа, она со жгучим нетерпением ожидала минуты, когда останется одна в своей спальне и прочтет сообщение духа.

И вот желанная минута наступила. Раздевшись наспех, Вера отослала горничную, заперлась на задвижку и разложила на столе таинственное писанье, но увы! ее поверхности знания немецкого языка не хватило на трудную работу. Разобрав кое-как крупный, довольно четкий, хотя и старинный почерк, она не справилась с большей частью непонятных для нее старинных выражений, поняла одно, что речь шла о какой-то Бланке, о братоубийстве, о чьем-то портрете, и что окончательного решения тайны надо искать в Северной башне.

«Верно, в той кладовой, куда меня не пустили», — думала Вера, засыпая, когда на башенных часах давно пробило четыре.

ГЛАВА IV

— Маша, — так начала графиня, как только они уселись втроем за утренний чай, — я тебя вчера обманула...

Баронесса удивленно взглянула на подругу.

— Ты, кажется, удивляешься, что я назвала тебя Машей?

— Да, меня так называла одна мама; ты же никогда.

— Не пришло бы в голову назвать Машей и сегодня, если б... не она... приказала ничего не говорить тебе до утра.

— Разве мама говорила вчера с вами, пока я спала? — спросила Мари дрожащим от волнения голосом. Моя милая мама... Что же она вам сказала?

— Прочти, вот что записано мной по стукам, и заметь, по-русски...

— Мама не любила говорить с нами ни на каком другом языке. В этом, также как и в имени Маша, я узнаю ее.

— Прочти, пожалуйста, вслух, Мари, ведь я ничего не знаю, — вмешался барон.

Но взволнованная баронесса прочитала про себя и молча подала листок мужу. На глазах ее блестали слезы.

— Видишь, Адольф, как они там о нас заботятся. О, моя милая мама... ты была вчера со мной!.. Почему же я этого не почувствовала, не сознала? Хотя бы ты во сне показалась мне.

— А то, что написала Мари, графиня?

— Как я написала?

— Да. Ты все время, пока спала, быстро писала, но я не сумела понять твоего писания, оно по-немецки и каким-то странным языком. Надеюсь, барон разберет и расскажет нам...

— Позвольте мне листок, я переведу вам по-французски, или по-русски, как прикажете...

— По-русски, по-русски, — закричала Мари, — ведь ты знаешь наш язык, иначе я ни за что бы за тебя не вышла!

Пока барон, удалившись в кабинет, взволнованно принялся за рукопись жены, Вера рассказала ей все подробности знаменитого сеанса, и баронесса, под влиянием своего

тврдого убждения в охранении любимой матери, выслу-
шала все совершенно покойно, нисколько не пугаясь.

— Так это один из баронов Ф. водил моей рукой?

— Водил ли твоей рукой, или каким иным, для нас не-
понятным способом заставлял тебя писать. Так сказал дух
твоей матери, больше мы ничего не знаем и не имеем никакой
возможности проверить ее слова.

— Я не нуждаюсь в проверке, я верю и так всему, что скажет мама, я так счастлива, Вера, что она бывает иногда со мной! Ты ее не знала, она была такая добрая, такая святая женщина, если б я могла, хотя сколько-нибудь, походить на нее!

— Постарайся, это в твоей власти, конечно, с помощью Господней!

Прошло более часа, прежде чем вернулся барон, но по-други, увлеченные своим разговором, почти не замечали его отсутствия; их оставшие чашки стояли нетронутыми на столе.

— Вот, *mesdames*, что я разобрал, — сказал барон, входя в столовую с двумя листками бумаги в руках, — все это так чудесно... язык характерный, позапрошлого столетия, и я не без труда разобрал его, почерк тоже очень старинный... Что же это такое?.. Я решительно теряю голову...

— Читай скорее, после поговорим, — закричала Мари.

— Слушайте.

«В этой самой комнате, возле камина, сто сорок лет назад, я совершил — страшно вымолвить — ужасный, противоестественный грех братоубийства. Несчастный Бруно, умирая от моей руки, проклял учреждение первородства, бывшее коренной причиной наших распреи и моего преступления. Его проклятие тяготеет над всеми первенцами нашего рода. Адольф может снять его, если исполнит завещание Бланки. Мне дано показаться ему в сей ваш момент, чтобы удостоверить его в нашем существовании и научить молиться. Вы найдете завещание в старой кладовой Северной башни, в углу, у левой стены, в ее портрете. Снимите раму и увидите, кроме тетради, небольшой плоский ящик с драгоценностями. Я читаю в сердцах ваших, вы неспособны

ими воспользоваться для себя, вы успокойте блуждающую тень нового Каина.

Портрет ее, моей невинной жертвы, должен быть восстановлен на принадлежащем ему месте, между мною и моим наследником, на пустом месте в картинной галерее, которое я не позволял занимать ничьим другим портретом.

«Перед смертью телесной, по милости Творца, я раскаялся в моем грехе и горько его оплакал.

Я хотел искупить его насколько это было в моей власти. Жестокий сын моей второй жены, — мне тяжело называть его моим сыном, — не допустил дряхлого старика, разбитого горем и угрызениями совести, поступить так, как повелевала ему честь и совесть, возвратить внукам Бруно то, что принадлежало им по нраву. Теперь все неправильно присвоенное отцом моим и мною уже вышло из рода. Чем вы владеете, то ваше.

Единственный потомок Бруно, оставшийся в вашем мире — осьмнадцатилетняя девушка, Зельма Фогт, дочь банщика Фреда в бывшей рыбацкой деревеньке. Адольф хорошо его знает. Мать ее происходит по прямой линии от законного брака Бруно и Бланки, что можете проверить, по прочтении дневника Бланки, из сохранившихся старых писем. Девочка страдает сердцем, вы составите ее счастье.

Не отвернитесь от вашего преступного предка, молитесь за нас всех молитвою веры и сострадательной любви. Недаром Провидение соединило Адольфа с православной женой. Мария, по своей вере и по воспитанию благочестивой материю, умеет молиться сердцем за отшедших. От молитвы ее и ее детей придет наше окончательное успокоение.

Как только исполнится завещание Бланки, проклятие Бруно потеряет свою силу, и первенцы нашего рода получат возможность проводить роковой день 15 июня в своем наследственном замке, я перестану блуждать по вашей почве, не находя на ней покоя. С меня снимется проклятие Каина и я соединюсь с моими близкими по духу в блаженной вечности.

Барон Адольф IV фон Ф.»

Барон читал стоя, торжественным голосом, бессознательно возвышая его с каждой строкой. Окончив чтение, он в утомлении опустился в кресло возле жены. Наступило продолжительное молчание. Мари первой прервала его.

— Это правда, что ты знаешь банщика Фреда Фогта?

— Знаю банщика Фреда в Дубельне, его все знают, я не раз занимал у него деньги, бывая на морском берегу гвардейским офицером. Но как его фамилия, не помню, есть ли у него дочь, не знаю.

— Теперь пойдемте в кладовую, — сказала графиня, — а завтра, если действительно найдется завещание, мы все подадим в Дубельн.

— Надо дождаться отца, — задумчиво сказал Адольф, — владелец не я, все зависит от него.

— Неужели ты думаешь, что папá не согласится исполнить требование Бланки?

— Нет, не думаю, но все-таки действовать без его разрешения не смею.

Баронесса позвонила и приказала вошедшему лакею спросить у управляющего ключ от кладовой.

ГЛАВА V

Минут десять спустя наши исследователи таинственного в природе стояли все трое перед тяжелой железной дверью на площадке. Не без труда повернулся огромный железный ключ в заржавевшем замке, и их глазам предстала довольно большая четырехугольная комната, до потолка заваленная разным хламом.

— Разбирайте все вот в этом углу, около левой стены, и выносите на площадку, — сказал барон призванным лакеям, — нам надо отыскать старинный портрет моей прабабушки.

Началась медленная разборка, поднявшая целые облака пыли; поневоле пришлось графине и баронессе выйти

пока на лестницу, но барон Адольф терпеливо чихал и кашлял, управляя поисками.

Наконец, и не без труда, вся левая сторона кладовой была очищена от множества седел, безногих столов, искалеченных стульев, ее наполнявших, и в самом углу, заслоняя его, показалась тяжелая мраморная доска, вероятно, от какого-нибудь огромных размеров комода.

— Идите, *mesdames*, мы у самой цели, — закричал барон, когда лакеи общими усилиями принялись отодвигать доску.

— Нашелся портрет? — послышался нетерпеливый голосок Веры с порога.

— Еще не знаем, что скрывается за мраморной доской.

— Тут ничего нет, господин барон, кроме плесени и грязи, — сказал дворецкий, почтенный старичок, носивший Адольфа на руках и тотчас же заподозривший, что в этих поисках господ скрывается нечто, связанное со вчерашними происшествиями.

Вся прислуга привыкла ожидать с любопытством и почти без страха вечеров 15 июня, как чего-то ставшего обыкновенным по своей повторяемости. Правда, немало бывало толков, когда какому-нибудь смельчаку, забиравшемуся в роковой вечер по соседству с таинственным коридором, удавалось слышать шаги и стуки, но потом опять все забывалось до следующего 15 июня.

— Неужели ничего нет? Быть не может, — сказала разочарованным голосом баронесса, заглядывая в угол, действительно заросший на несколько вершков плесенью и чуть не столетней паутиной. — Пожалуйста, попробуйте очистить всю эту грязь, смотрите, тут точно какой-то выступ, — прибавила она, дотрагиваясь носком своего ботинка до грязного угла.

— Стена, — сказал барон.

— Нет, не стена, а какой-то твердый выступ, и, как мне кажется, не каменный, а деревянный.

Сам дворецкий принялся за очистку грязи и вскоре показалась покерневшая от времени доска.

— Какая-то картина в раме, не правда ли? — восклик-

нула Мари.

— Точно так, *Frau Baroness*, должно быть, портрет, который вы ищете, — отвечал дворецкий, приподымяя тяжеловесную раму, которую сам Адольф с триумфом понес в роковой кабинет, в сопровождении поддерживавшего ее дворецкого.

И барон, и обе дамы были так поражены успехом поисков, в котором всякий в глубине души невольно сомневался, что все они как будто онемели; на Мари и на графиню нашло вчерашнее торжественное настроение, под влиянием которого они молча последовали за бароном вниз, нетерпеливо стремясь увидать портрет. Но, увы! не было никакой возможности рассмотреть даже и того, было ли что нарисовано на загрязненном и заплесневелом полотне.

— Его придется реставрировать, теперь ничего не разберешь, прикажите, барон, вынуть его скорее из рамы, только осторожнее, чтобы не разорвать, — сказала Вера, нагнувшись над находкой, положенной на большом столе перед диваном. — Тут, наверное, есть двойное дно, смотрите, как толста рама, я никогда такой не видела, — прибавила она, ощупывая дерево.

Пришлось призвать столяра, и тот с помощью инструмента отделил заднюю доску. Обе дамы, да и сам барон сгорали от нетерпения.

— Тут что-то черное! — закричала Мари, когда доска была вскрыта. — Верно, обещанный ящик!

Однако первая находка, заключавшаяся в действительно существовавшем в раме двойном дне, оказалась кожаным, продолговатым, довольно плоским мешочком без малого в поларшина длиной; около него, с другой стороны, в нарочно устроенном углублении нашелся деревянный, тоже плоский, но квадратный ящичек, легко поддавшийся инструменту. Из него выпало колье, серьги, пряжка и склаваж из замечательно крупных бриллиантов и изумрудов чрезвычайно тонкой старинной отделки. Но камни так потускнели, что их почти можно было принять за стекляшки.

Обе дамы так заинтересовались ими, рассматривая и оттирая их платками, что совсем забыли о мешочке, кото-

рым занялся барон, не зная, как открыть его, так искусно был он заделан.

— Так вот зачем ходило привидение, за кладом! — вырвалось у старого дворецкого. — Ну, как оно рассердится, что вы завладели им, господин барон!

— Не рассердится, нам не только дозволено, но приказано отыскать его, чтобы возвратить по принадлежности, — ответила Мари.

— Кем приказано? — не утерпел спросить дворецкий, имевший в баронской семье свои привилегии старого, верного слуги.

— Баронесса шутит, кто же мог приказать это? Мы прочли в старинных бумагах, что есть в кладовой портрет и в нем бриллианты, — ответил Адольф, показывая старику глазами на столяра, при котором он, понятно, не желал говорить всей правды. — Мари, — прибавил он, — помоги мне открыть мешочек, я ничего в нем не понимаю, он как-то мудрено устроен, без всякого шва.

— Так разрежьте его, барон, — вмешалась графиня, протягивая к мешочку руку. — Удивляюсь вашему немецкому терпению.

— Вы забываете вашу русскую пословицу, графиня, поспешишь — людей насмешишь! Разрезая, можно попортить то, что в нем. Да, признаться, мне и мешочка жаль, это своего рода редкость.

Но Вера его не слушала; она внимательно рассматривала мешок, и, наконец, в одной из узких сторон открыла внутренний, незаметный замочек. Мешок оказался старинным портфелем из необыкновенно толстой кожи. После многих напрасных попыток с помощью перочинного ножичка удалось-таки так прижать пружину, что тайна открылась. В портфеле лежало несколько пожелтевых листов пергамента.

Отпустив столяра и дворецкого, Адольф принялся разбирать рукопись, но это оказалось гораздо труднее, чем прочитать загробное сообщение барона Адольфа IV. Неразборчивый, старинный, к тому же довольно мелкий почерк видимо неумелой руки представлял чуть не в каждом слове

почти непреодолимые затруднения. Разобрал он, и то с большим трудом, только несколько строк, стоявших на первой странице и более крупно написанных:

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, это мое завещание. Баронесса Бланка фон Ф., законная супруга, а теперь вдова барона Бруно, второго сына барона Адольфа III фон Ф., рожденная фон Ротенштадт.

Но прежде всего я хочу, чтобы сострадательная душа, которой, я надеюсь в том на милость Божию, попадется когда-нибудь эта тетрадь, узнала мою горестную историю и из нее мое право на следующее далее завещание».

Даже на прочтение этих строк потребовалось не менее десяти минут; дамы потеряли терпение и, оставив барона разбирать одного, удалились в другой угол кабинета на маленький диванчик, более удобный, чем остальная старинная мебель, и там принялись отчищать нашатырным спиртом бриллианты, полушепотом разговаривая между собой, чтобы не мешать барону.

— Это такая прелесть, — говорила Вера, любуясь отчищенным ею склаважем. — Я уверена, что настоящий любитель древностей из английских лордов не пожалеет за него одного десяти тысяч фунтов стерлингов. Если Зельма Фогт действительно существует, она сделается небедной невестой, любой гвардейский офицер женится на ней, пожалуй, особенно, если она хороша собой.

Мари задумчиво оттирала старинную пряжку, засматриваясь от времени до времени на возвращающийся блеск крупных камней.

— А что, если никакой Зельмы нет? — продолжала графиня. — Драгоценности эти будут твоими по праву, надеюсь, ты с ними не расстанешься. Уступи мне эту пряжку, оставленное не по моим средствам. По древности и работе этим вещам цены нет, я почти желаю, чтобы они остались у тебя.

— Я ни за что ими не воспользуюсь, — отвечала Мари. — Если Зельмы нет, я буду умолять папá, чтобы он вырученнную за них сумму пожертвовал на какое-нибудь богоугодное дело.

— Это почему? Я, во всяком случае, покупаю пряжку, во

что бы ее ни оценили, ни за что с нею не расстанусь!

— Ты — другое дело, ты не баронесса фон Ф., мне же, я уверена, наследство измученной Бланки принесло бы несчастье.

— Вот это уже прямое суеверие с твоей стороны, если бриллианты окажутся без наследников.

— Ни за что, ни за что, — повторила Мари, содрогаясь и взглянув по направлению к камину.

Вдруг послышалось, как бы в отдалении, три глухих стука.

— Это что? — вскрикнула баронесса. — Опять стуки!

В ту же минуту, точно отвечая на ее возглас, отворилась большая дверь, ведущая в гостиную, и на пороге кабинета показалась рослая фигура старого барона.

— Очень вы любезны, — заговорил он, — совсем обо мне забыли, я должен был взять кабриолет у начальника станции. Понимаю, что присутствие графини... — прибавил он, обращаясь в сторону молодой женщины.

ГЛАВА VI

Мари бросилась ему навстречу, не выпуская из рук пряжки. Погруженный в чтение, Адольф ничего не слыхал и не видал, даже не заметил появления отца.

— Папá, — заговорила спешно, задыхаясь от волнения, баронесса, протягивая свекру пряжку и забывая с ним поздороваться. — Посмотрите, что мы нашли. Теперь вам уже не придется уезжать из замка каждое 15 июня.

— Как не придется выезжать из замка, я тебя не понимаю, — ответил старик недовольным голосом, вспыхнув от досады.

— Мы узнали причину стуков, и всякая опасность минует, если вы согласитесь на требование духов.

— Опять эта глупая история! Ты хотя бы постыдилась

при графине говорить такой вздор. Что это за бриллианты, я их никогда у тебя не видал?

Наконец, Адольф опомнился и подошел к отцу.

— У нас тут без тебя произошло столько странного, отец, — сказал он, обнимая старика, — что ты, пожалуй, не поверишь, но доказательства у нас налицо: старинная рукопись и ящик с драгоценностями...

— Ты тоже, Адольф, говоришь загадками. Вы с ума, что ли, сошли, дети?

— Позвольте мне, барон, рассказать вам всю историю, — заговорила тут, приближаясь, графиня. — Вчера мы в этом кабинете устроили сеанс и узнали...

— Так вы, графиня, спиритка! — воскликнул старый барон разочарованным голосом.

— Если вам угодно... да, спиритка; то есть, я верю по опыту в возможность сообщения с отшедшими в иной мир. И вот, эти отшедшие, ваши предки, сказали, или, вернее, написали нам рукой Мари, но своим старинным немецким почерком, причину своих ежегодных появлений на земле. А сегодня утром мы на факте убедились, что сказанное ими — правда.

— Ничего не понимаю...

— Папá, — почти закричала Мари, — скажите нам, но только чистейшую правду, почему вы каждое 15 июня уезжаете из замка?

Барон вспыхнул и молчал, устремив недовольный взгляд на невестку.

— Папá, ради Бога, скажите, мы ведь все равно знаем всю правду.

— Я ничего другого не знаю, кроме статьи в завещании моего деда, запрещающей старшему в роде проводить 15 июня в замке. Он не объясняет своего странного требования, просит только не говорить о нем никому, кроме наследника майората, и то не иначе, как в посмертном письме. Мое письмо Адольфу готово... А вот ты, Мари, заставила меня преступить желание деда... мне это очень неприятно...

— Успокойтесь, барон, — опять вмешалась графиня, — это желание, равно как и запрещение, скоро потеряют всякое

значение и смысл, если на то будет ваша воля...

— Моя воля!.. какая воля?.. не понимаю!

— Неужели, отец, ты никогда не пробовал отыскивать в старых бумагах причину требования деда? — спросил Адольф.

— Пробовал, и нашел некоторое пояснение, настолько странное, что не могу и не хочу ему верить! Однако вы так меня ошеломили вашими новостями, что у меня, как будто, кружится голова, — прибавил барон, опускаясь в кресло. — Пожалуйста, расскажите мне кто-нибудь один все по порядку... Если графиня удостоит взять это на себя...

— Нет, барон, вы лучше поверите нашему сыну, чем женщины. Я предоставляю слово Адольфу Адольдовичу.

Однако и сыну старый барон поверил с трудом; и только представленные ему вещественные доказательства: писание невестки, которая, как он это хорошо знал, была неспособна выражаться таким оригинальным языком, а затем отысканные рукопись Бланки и бриллианты, заставили его поневоле сдаться на капитуляцию спириткам и повторить при этом слова Шекспира:

«Есть много на свете вещей, друг Горацио, которые во сне не снились нашим мудрецам».

— Папá, — сказала Мари, когда общее волнение немного улеглось, — вы, кажется, занимались изучением старинных рукописей?

— Занимался и не без успеха просиживал по целым неделям в разных европейских библиотеках.

— Так вы разберете рукопись Бланки?

— Попробую, но только завтра. Сегодня я слишком устал, проголодался, и попрошу милую хозяйку накормить нас скорее обедом.

За кофеем баронесса Марья Владимировна не на шутку пристала к свекру, чтоб он рассказал все, что ему известно из этой таинственной истории.

— Известно мне очень мало, так как я никогда к ней серьезно не относился и считал все бабьими сказками, да и теперь, признаюсь, хотя и начинаю поневоле верить вашим духам, а все-таки, как будто, не верится, то есть, не хочется верить, слишком все это нелепо.

— Я вижу теперь, насколько прав был сэр Гарлей, — сказала графиня, объясняя мне внутреннюю причину недоверия большинства образованных людей к таким несомненным фактам, как медиумические явления, исследованным в последние годы многими лицами из ученого мира, которым то же самое большинство, во всяком другом случае, доверяет слепо и безусловно. Сэр Гарлей говорил, что человек верит только тому, чему хочет верить, и знаете, барон, я начинаю бояться, что года через два-три, если не раньше, вы скажете, что всю эту историю сочинили мы, или, по крайней мере, что она нам пригрезилась.

Старый барон рассмеялся, а молодой слегка покраснел; ему вспомнилось, как он, под чужим влиянием, отвергал факты, которым сам был свидетелем.

— Я готов сказать это и теперь, если б не рукопись и не бриллианты, а главное, если б не писание Мари... Ваш сэр Гарлей был совершенно прав, графиня: он, по-видимому, хороший знаток человеческого сердца. Трудно верится именно тому, чему верить не хочется

— Но почему же вам не хочется верить такому, на мой взгляд, отрадному факту, доказывающему, что мы продолжаем жить и после смерти тела?

— Как вам объяснить, почему не хочется? Полагаю, потому, что ваши факты ломают, выворачивают наизнанку все мои понятия, всосавшиеся в мою плоть и кровь с тех пор, как я выучился мыслить. Ведь мне приходится теперь переучиваться, в мои-то лета!.. А это трудно и даже просто не приятно, досадно сказать себе, что ты прожил всю свою жизнь дураком, не понимая самой сути жизни.. Да я еще, слава Богу, не материалист, верю, хотя довольно неопределенно, больше по привычке, в продолжение нашего существования за гробом, по крайней мере, не отвергаю его. А каково материалисту, усвоившему сознательно свои понятия, полюбившему их всем своим существом! Знаете, графиня, такому человеку почти невозможно поверить медиумическим явлениям, слишком они ему противны по своей сущности.. Для этого надо быть вполне добросовестной и очень хорошей личностью... Я полагаю, что человеку, совершен-

но успокоившемуся на материализме, вполне примирившемуся с мыслью о своем уничтожении, — чего я, например, никак не мог достигнуть: если не верилось, то чувствовалось всегда, что есть что-то, чего я не понимаю. А тому, кто примирился и успокоился, должно быть, если не легче, то привольнее живется на свете, хотя и толкуют они о каком-то чувстве человеческого достоинства... а все-таки море по колено!.. И как же такому человеку захотеть, именно захотеть поверить вашим фактам, идущим вразрез не только с его обычным мышлением, но и с его желаниями. И видит, а не разумеет!...

Барон говорил быстро, горячо и настолько взволнованным голосом, что и для графини, очень мало его знавшей, становилось ясно, как сильно подействовали на него открытия этого знаменательного дня, если могли его вывести из его нормального состояния великосветской сдержанности. А сын и невестка с удовольствием смотрели на старика, никогда так не высказывавшегося перед ними. Все притихли, водворилось молчание, пока барон первым не прервал его.

— Хотя я вырос на рассказах моей няни о нашем замке, как о заклятом месте, в котором ходят привидения, слыхал от нее же, что дед умер вследствие своего ослушания приказаний таинственной силы, но вся эта история, которой, вероятно, я верил в детстве, тотчас же испарилась, как только юношой я попал в иную среду, закалившую меня в понятиях, не допускающих ничего таинственного. Я воспитывался за границей, и, по окончании университетского курса в Гейдельберге, мы несколько лет, до самой кончины родителей моих, случившейся почти одновременно, путешествовали все вместе по Европе, и, когда сестра Матильда вышла замуж в Мюнхене, я бы, вероятно, совсем отчудился от родины, позабыл бы все, что касалось моего наследственного поместья, если б не сестра, выросшая в замке. Отец, особенно же мать, неохотно о нем говорили, но Матильда пробовала не раз, несмотря на мои насмешки, рассказывать мне про вечера 15 июня, от которых, впрочем, ее всегда куда-нибудь увозили, и она знала нашу семейную легенду только по рассказам няни и экономки, что, конеч-

но, послужило для меня достаточным основанием ничему не поверить. С таким взглядом приехал я в замок принимать мое родовое наследство, и первое, что я нашел в бумагах отца, это письмо его ко мне, требование, на основании завещания деда, чтобы я никогда не проводил 15-го июня в замке. В первую минуту, это — как я предполагал, соображая его с рассказом Матильды — суеверное требование сильно меня покоробило, однако я сказал себе, что из уважения к воле отца я всегда буду исполнять его. Потом мне, естественно, захотелось понять причину таинственного запрета и я начал разбирать старинные акты и бумаги.

— И что же, нашли что-нибудь? — спросила баронесса, давно нетерпеливо слушавшая рассуждения свекра.

— То, что, после долгих изысканий, нашлось в мемуарах моей прабабки, показалось мне настолько нелепым и оскорбительным для здравого смысла, что я бросил их, не дочитав и до половины, и теперь ничего последовательно не помню. Вы можете сами прочитать их, если хотите, также как и связку старых писем, тщательно собранных прабабушкой, должно быть, страстной охотницей до всего чудесного

— О каких-то старых письмах или бумагах говорится в загробном сообщении Адольфа IV, — сказал молодой барон, а старый иронически улыбнулся.

— Никак не могу я привыкнуть относиться серьезно к этому сообщению, точно кошмар какой овладевает мной и я невольно себя спрашиваю: вижу ли я все это наяву, или во сне? Однако, в этом сообщении упомянут один действительный факт, именно, то обстоятельство, что богатые владения фон Ротенштадтов находились в нашем роде при двух поколениях, и, должно быть, неправильно, так как позднее они были у нас отняты посредством процесса, длившегося целых тридцать лет, дальними родственниками из боковой линии угасшего рода. На это существуют акты. Скажи, Адольф, ты знал это и, может быть, говорил и Мари?

— В первый раз слышу не только о процессе, но и фамилию фон Ротенштадтов.

— Наследство их получили Фиц-Гагены, которых ты знаешь.

— Папá, неужели вы ни разу не поинтересовались проверить каким-нибудь способом рассказы о привидении? — спросила баронесса.

— Как же мог я их проверить, когда мне было запрещено оставаться в замке в роковой вечер? Да, по правде сказаться, я и не желал проверять их. Уезжая на 15 июня, я всегда увозил с собою жену и детей. Раз, помню, ты, Адольф, еще очень маленьким, заболел в это время и должен был остаться в замке с гувернером. Мать твоя, беспокоясь о тебе, захотела тоже остаться, но я настоял, чтобы она ехала со мной, а по возвращении домой дал почувствовать гувернери, что не желаю ничего слышать. Мне было противно касаться этой нелепой истории, хотя бы для того, чтоб удостовериться, что ничего подобного не существовало. Я никогда не говорил о ней даже с твоей матерью.

— А почему, папá, вы не хотели позволить мне повесить мой портрет на пустое место в портретной галерее? — опять спросила баронесса.

— По той самой причине, которую я высказал тебе тогда, что не хочу, чтобы жена моего сына заменила место женщины, обесчестившей свое имя. До тебя, наверное, дошел рассказ о том, что будто тот же дед мой пробовал несколько раз повесить на пустое место чей-то портрет, и на следующее утро непременно находил его на полу. Я этой истории, конечно, не верил, но слыхал ее от старой няни позднее, вернувшись в замок уже владельцем майората. Она одна, до самой своей смерти, пользовалась привилегией говорить со мной о привидениях; но ей было строго запрещено рассказывать о них жене.

— А теперь, папá, вы поверите несчастной Бланке, не откажетесь исполнить ее требования?

— Бланка, или, лучше сказать, ее рукопись — факт не из того мира, а из этого. А я еще никогда ничего чужого себе не присваивал, — гордо прибавил старый аристократ, целуя невестку в лоб, и вышел из кабинета, захватив с собой рукопись, найденную в раме старинного портрета. В этот вечер он более не возвращался; молодые люди провели его втроем, толкая все об одном и том же.

Глава VII

На следующее утро за чаем собралась одна молодежь, старый барон не показывался; и? когда сын пошел к нему, то нашел старика в халате, что случалось с ним нечасто, очень мрачным, очень нервным, сидящим за чтением рукописи Бланки фон Ф.

— Дурно ночь спал, несмотря на вчерашнюю усталость, — сказал он, здороваясь с сыном, — а хочется скорее узнать что тут такое, и окончательно решить для себя роковой вопрос. Да вот глаза плохо служат; стар я становлюсь, Адольф, пожалуй, скоро придется тебе распоряжаться замком.

— Что за мрачные мысли, отец, откуда они у тебя сегодня берутся? Стыдись, посмотри на себя в зеркало. Ты, право, бодрее и сильнее меня!

— А вот, откуда они берутся, из вашего духовного мира, с которым мне приходится впервые знакомиться, и я, признаюсь, растерялся. Извини меня перед графиней, я до обеда не покажусь.

— Не хочешь ли, чтобы я тебе помог?

— Пока нет, сперва надо одному справиться с отдельными буквами, потом, когда глаза окончательно откажутся служить, я пришлю за тобой. Ты будешь писать под мою диктовку, ведь для наших барынь придется рукопись перевести; даже и Мари не поймет такого старинного слога.

Вернувшись в столовую, Адольф нашел приятельниц в сильном споре: графиня непременно хотела тотчас же ехать в Дубельн, сгорая нетерпением узнать, действительно ли существует Зельма Фогт.

— Это пустяки, Вера, завтра мы поедем все вместе, — говорила баронесса. — Уговори ее, Адольф, сидеть смироно, — прибавила она, обращаясь к входившему мужу.

— Я надеюсь, что графиня не покинет нас, узнав, как батюшка расстроен. Она одна может рассеять его мрачные мысли.

— Как мрачные мысли?

— Слишком сильно подействовало на моего старика вчерашнее открытие: я впервые слышу, что он говорит о своей близкой смерти.

— Так пойдемте все к нему! Бедный папá! — воскликнула баронесса.

— Вас, *mesdames*, он не примет, он не в параде, а мне действительно лучше пойти к нему, хотя он и отослал меня к вам.

Оставшись одни, дамы перешли в кабинет и опять принялись за чистку бриллиантов.

— Посмотри, какая прелесть, — говорила графиня, прикладывая пряжку к корсажу, — я сделаю из нее брошь. Неужели, Мари, ты так-таки и не оставишь себе ничего хотя бы на память о таинственном событии.

— Ни за что, ничего!.. Я уже сказала... Эти бриллианты наводят на меня ужас!

— Почему? Решительно не понимаю твоего суеверного страха. Если вы исполните желание Бланки и Адольфа IV, чего же тебе бояться?

— Страшно, безотчетно страшно...

Разговаривая, баронесса машинально положила руки вместе с серьгами, которые перед тем чистила, на небольшой, стоявший перед ней столик. Вдруг он резко подвинулся на несколько футов, а в отдаленной стене раздалось пять глухих стуков. Баронесса вздрогнула и поспешно приняла руки.

— Сиди смирно, положи руки опять на стол, разве ты не слышишь, что требуют беседы? Заметь, что это во второй уже раз начинаются стуки, как только ты заговоришь о твоем отвращении к бриллиантам. Не трогайся с места, не прерывай медиумического тока, я сейчас достану нашу азбуку, карандаш, бумагу и присяду к тебе.

Через минуту сеанс устроился по всем правилам, а не более как минут через пять столик поднялся всеми ножками по крайней мере на четверть аршина от пола и так и засыпал в воздухе; в столешнице же, в то же время, послышалось пять ясных стуков.

Графиня стала молча указывать на азбуку левой рукой и записывать буквы правой, пока баронесса сидела совер-

шенно безучастно, едва ли понимая, что вокруг нее происходит. Опомнилась она, когда Вера прочла вслух записанную ею по стукам фразу:

«Напрасно предаешься суеверию, Маша. Если поступите справедливо, никакое несчастье тебя не постигнет. Я желаю, чтобы ты купила себе что-нибудь из вещей на память поразительного доказательства вам, по милосердию данного».

— Это опять мама! — воскликнула баронесса, оживляясь, и, выхватив листок из рук графини, быстро поцеловала его и потом перекрестилась.

— Исполню, исполню, мама, куплю себе серьги; склянка же и колье слишком дороги, ты бы сама не посоветовала мне разорять мужа!

Послышалось опять пять стуков и стол тихо опустился на пол. Теперь баронесса с напряженным вниманием следила за буквами, читая по мере того, как записывала их графиня.

«Опять суеверие, Маша, зачем веришь слепо каждому нашему слову? Рассуди сама, может ли принести несчастье вещь, правильно приобретенная, и действуй по рассудку».

Дочитав последнюю букву, баронесса воскликнула:

— Как же могу я не верить тебе, мама, я чувствую, что это ты!

— А я все-таки не поверила бы слепо, каким бы именем мне не говорили, и обсудила бы все сказанное сама, и тебя прошу, Мари, не увлекайся: безотчетная вера в сообщения лишает человека его человеческой свободы, и может довести до полного абсурда.

Послышались три утвердительных стука, а через небольшой промежуток пять; графиня снова принялась указывать азбуку и вскоре прочитала:

«Уверьтесь отсюда в существовании Зельмы, это возможно для Веры и успокоит владельца майората».

— Что же, надо телеграфировать?

Три стука.

— Кому?

«Подумай и вспомнишь», — сложилось по азбуке, и затем все прекратилось; сидевшие за столом дамы внезапно почувствовали, что двигавшая его сила удалилась; и, посидев еще немного, встали.

— Решительно не понимаю, к кому могу я обратиться в Дубельте? — задумчиво говорила графиня.

— Надо спросить Адольфа, он, наверное, кого-нибудь укажет.

— А прежде всего, надо бы составить протокол нашего импровизированного сеанса для твоего *beau-pere*, чтобы он не сказал, что мы все это выдумали *apres coup**.

— Как же это составляется протокол и для чего? Я слыхала, что в полиции и в судах составляются протоколы, а не у спиритов, — засмеялась баронесса.

— Для чего составляются протоколы в судах, для той же цели и у спиритов, чтоб отсутствующие лица, кому о том ведать надлежит, по выражению Поля Светловского, знали, как произошло известное событие. Не знаю, так ли это в судейских протоколах, а в наших важны самые мелкие подробности, дающие самые ясные понятия о том, как именно происходило явление, при какой обстановке. Например, где кто сидел, в каком положении были руки членов кружка, не было ли возможности действовать ногами, не было ли посторонних лиц в комнате, сидевших вне кружка, были ли заперты двери и окна и прочее... Часто от недостатка этих подробностей, особенно при темных сеансах, является сомнение в подделке явлений или, по меньшей мере, они приписываются фантазии членов кружка, не принявших достаточно строгих мер против могущей встретиться недобросовестности или излишка воображения между присутствующими.

— Понимаю, что же должны мы теперь записать?

— Бери перо и пиши нее, что ты видела и слышала.

— Я, право, ничего не помню, кроме стуков, сначала в стене, а потом в столешнице, да еще, что мама говорила...

* Позднее, постфактум (*phr.*).

— Не помнишь даже и того, как стол во время первого сообщения висел в воздухе, не касаясь пола?

— Неужели?.. Я даже этого и не заметила... ах, как досадно, очень бы хотелось видеть это самой... Знаешь, Вера, мне тогда, в начале сеанса, как будто опять спать хотелось, я пришла в себя только, когда ты прочла сообщение мамы.

— В таком случае, протокол немыслим; это было бы мое единичное заявление, а тут важно только замеченное всеми, как доказательство объективности явления. Досадно!

— Успокойся, папа поверит тебе на слово!

— Эврика!.. вспомнила! — воскликнула графиня.

— Что вспомнила?

— Кому телеграфировать в Дубельн. Со мной в поезде ехал Мейнгардт, он должен был пробыть в Митаве у отца несколько часов и тотчас же с ним вместе ехать в Дубельн. Я спрошу его, с уплаченным ответом, жива ли Зельма Фогт, дочь банщика Фреда? По словам твоего мужа, его там все знают. Давай писать телеграмму.

Еще задолго до обеда баронесса лично сама распорядилась отправить на железнодорожную станцию телеграмму, да еще при письме к главному телеграфисту с просьбой прислать ответ, не мешкая ни минуты, и затем было решено, что отправка телеграммы останется тайной между приятельницами до получения ответа.

— А как никакой Зельмы нет, что подумает Мейнгардт о моем вопросе? — говорила графиня, когда для обеих дам наступил довольно тосклиwyй промежуток времени, и им пришлось сидеть вдвоем, ничего не делая, в нетерпеливом ожидании, когда старый барон прочтет им историю несчастной Бланки.

— Ты думай, как хочешь, а я твердо уверена в существовании Зельмы с той минуты, как о ней говорила мама, — отвечала неисправимая в своем сердечном доверии баронесса.

ГЛАВА VIII

С последним ударом обеденного колокола оба барона показались на пороге столовой, где минут пять уже ожидали их дамы долготерпение которых, увы! не вознаградилось никаким. Перевод рукописи далеко не был окончен, а старый барон заставил молодого дать себе честное слово, что, пока не поставится последняя точка, тайна Бланки не будет никому открыта.

— Вы безжалостны, папá, — воскликнула баронесса, — когда же мы, наконец, ее узнаем?

— Никак не ранее завтрашнего обеда, я устал, да и не желаю лишать себя и вечером общества нашей дорогой гостьи.

Баронесса Марья Владимировна только вздохнула. У ней, кроме нетерпения узнать, было еще нетерпение сообщить свекру и мужу о знаменательном сеансе этого утра, а она тоже дала Вере слово молчать. К счастью, молчать пришлось не очень долго. Заведующие телеграфом превзошли сами себя в этом случае. Едва маленькое общество после довольно скучного обеда, в продолжение которого все больше думали, чем говорили, перешло в кабинет пить кофе, как графине подали телеграмму.

— Читай вслух, — закричала Мари.

— «Жива. Доктор обещает на завтрашний день решительный кризис. Если больная его вынесет, начнется выздоровление. Мейнгардт», — прочитала графиня.

— Кто жива? — спросил удивленный Адольф.

— Зельма, Зельма Фогт. Стало быть, она действительно существует. Но я ровно ничего не понимаю!....

— Совершенно ясно, она больна, всего вероятнее тифом, если должен произойти кризис, — сказала баронесса. — Папá, ради Бога, поедемте завтра все в Дубельн, мы вылечим Зельму неожиданным счастьем!

— Ты мне прежде объясни, что значит эта телеграмма, — спросил Адольф, пока старый барон сидел молча, погруженный в задумчивость; но лицо его вдруг просияло, как только Мари и Вера, перебивая друг друга, рассказали все

предшествовавшее телеграмме.

— Если Зельма действительно существует, стало быть, все правда, стало быть... — проговорил старик вполголоса, обращаясь скорее к себе, чем к другим.

— Стало быть, вы окончательно верите, барон, — сказала графиня.

— Да, верю, и в эту минуту чувствую всю отрадную сторону моей воскресшей веры.... Благодарю вас, графиня, если б не вы, с вашим бесстрашием и вашей настойчивостью, мы и до сих пор ничего бы не знали....

— Видишь, Вера, опять-таки мама сказала правду: телеграмма успокоила папу, — шепнула баронесса. — А ты смела ей не верить, какая же ты спиритуалистка!

— Спиритуалистка осторожная.... к несчастью, благодаря нашему духовному несовершенству, мы редко удостаиваемся сообщений от духов из высших сфер, как твоя мать, — серьезно ответила графиня.

— Папá, — опять пристала Мари, — поедемте завтра в Дубельн!

— Как, прежде, чем вы узнаете историю Бланки?

— Надо утешить ее больную правнучку!

— По моему, прежде всего надо удостовериться из старых писем, что Зельма Фогт действительно потомок Бруно и Бланки, — сказал Адольф.

— А я сегодня ни на что не способен, ни на какое чтение, — прибавил старый барон.

— Мы обязаны утешить больную Зельму, — твердила свое баронесса и сама взялась за чтение писем и дневника прабабушки, пока Адольф принялся один за перевод рукописи, уверив отца, что теперь справится с ней.

Передав старинные бумаги невестке, владелец майората пригласил свою дорогую гостью в свои апартаменты и провел вечер, отдохвая в оживленной беседе с ней о предмете, всецело поглотившем его внимание в настоящую минуту.

ЗАВЕЩАНИЕ БАРОНЕССЫ ФОН Ф.

ГЛАВА I

Адольф провел большую часть ночи за работой и часа два спустя после второго завтрака, принес наконец перевод рукописи. Что же касается баронессы, она должна была сознаться, что чтение старинных писем ей не под силу; заняться ими пришлось все-таки старому барону.

— И я готов с моим отчетом, — сказал он, приглашенный сыном в кабинет на общее чтение.

— Что же, папа, доказаны права Зельмы Фогт на наследство баронессы Бланки? — нетерпеливо спросила Мари.

— Решать это придется в Дубельне, справившись с родословной Зельмы, но прежде всего выслушаем Адольфа.

— Предупреждаю вас, *mesdames*, — сказал молодой барон, развертывая довольно объемистую и всю исчерканную поправками тетрадь, что рассказ Бланки не вполне последователен и далеко не полон, отчего много теряется его драматичность. Видно, что бедная женщина не привыкла выражать своих мыслей.

— Читай скорее, мы сами увидим, в чем дело! — воскликнула баронесса, и Адольф начал при общем напряженном внимании:

«Прочти меня с сочувствием и терпением, сострадательная душа, немало труда стоит мне это писанье. Учили меня, как девочку, мало и небрежно, и если б мой возлюбленный Бруно не помог мне научиться письменному искусству, не рассказывать бы мне грустной повести нашего краткого счастья и бесконечных страданий.

А как счастливо протекло мое детство под крыльышком добрых родителей. Меня величали последним и первым наследником, а не наследницей древнего рода Ротенштадтов: старинное имя мое я, вместе с рукою, должна была передать моему мужу, которого до известного предела могла и

не считать своим господином и повелителем, ибо, по воле отца, утвержденной подписью нашего милостивого короля, я не лишалась права располагать всеми моими владениями, пользуясь в этом случае всеми правами наследника-мужчины.

Мать моя, урожденная Позен, умерла, когда мне минуло тринадцать лет, с ней вместе похоронила я все мое счастье. В тринадцать лет я не была уже ребенком, я давно любила Бруно, — второго сына нашего ближайшего соседа, Адольфа III барона фон Ф., назначенного мне отцом в опекуны на случай своей смерти. Нас так и звали женихом и невестой; отец мой радовался безмерно, видя, что его обожаемое, единственное дитя любимо своим нареченным супругом, как редко наши бароны любят своих жен-рабынь. Ожидали только моего пятнадцатилетнего возраста, чтобы обвенчать нас, и отец Бруно не менее моего отца был доволен этим браком; главное, конечно, тем, что и меньшая ветвь его рода будет никак не беднее старшей; будущий свекор мой ласкал и любил меня более своей родной дочери.

Смерть моей матери положила конец всему. Не прошло и года, как отец, шестидесятипятилетним стариком, несмотря на его беспредельную любовь ко мне, женился на другой, на совсем бедной девушке, едва ли пятью годами старше меня. Мачеха околовала его, но при всей своей власти над ним не могла, однако, заставить изменить свое завещание: все принадлежащее Ротенштадтам должно было принадлежать безраздельно мне одной; я назначена была начать новый род Ротенштадтов и возвысить его, подобно старому. Вдовья часть мачехи была самая ничтожная, и она никак не могла простить мне свою собственную вину, что так продешевила себя, продав за ничто свою молодость седому старику».

— Я не вижу непоследовательности в рассказе Бланки, — заметила графиня, — разве вы сами переделали его?

— В начале я не позволил себе переделать ни одной фразы, которую сумел верно передать по-французски, — отвечал барон, но это только в начале; но мере же того, как страсть и горе овладевают ее воспоминаниями, как она начинает

говорить о своем возлюбленном Бруно и ненавистном Адольфе, слог ее совершенно изменяется, так что очень трудно передавать его, и я поневоле отступал от подлинника. Многих же интересных подробностей в конце рассказа совсем нет.

— Читай, Адольф, — повторила, как эхо, свою первую фразу нетерпеливая баронесса Марья Владимировна.

— «Старший брат Бруно, Адольф, был также товарищем моих детских игр, настолько же ненавистным мне, насколько я всегда любила Бруно, защищавшего меня, с самых первых лет нашего знакомства, от неистовств Адольфа, которому все более или менее покорялись, исключая меня. Адольф никак не мог примириться с моим предпочтением ему меньшего брата, которого он считал существом гораздо ниже себя, будущего владельца майората. Один раз он, наверное убил бы меня, если б не Бруно, заслонивший меня собою. Он заставлял меня сказать, что я люблю его больше всех, что выйду за него замуж, я не соглашалась и смело смотрела ему в глаза, вызывая на борьбу. Страшный удар, предназначенный мне, попал в Бруно и чуть не вышиб ему глаза. Этот случай заставил барона фон Ф. отослать своего первенца в Стокгольм в школу, и я к великому моему удовольствию, несколько лет не видала его.

После женитьбы отца, моя свадьба отсрочилась еще на два года; мачеха, в надежде изменить его волю насчет наследства, уговорила его не отдавать меня Бруно, пока тому не минет двадцати двух лет, а мне семнадцати, пока он не сделается женщиной, а не ребенком, говорила она, и стала все более и более разлучать нас, ни минуты не оставляя вдвоем. Бруно писал мне нежные письма и через кормилицу мою доставлял их мне. Как благословляла я позже, и благословляю и теперь судьбу, давшую нам в ней такого верного и мужественного друга. Она же достала мне через своего зятя писаря пергаменту, она устроила тайное хранилище в раме моего портрета. Даже мои мучители не посмели разлучить меня с верной женщиной, которой поручила меня мать моя на своем смертном одре.

Смерть отца, случившаяся совершенно неожиданно, когда мне только что минуло шестнадцать лет, оставила ме-

ня беспомощной в руках мачехи и ее родни. Опекун мой, почти одновременно лишившийся своей жены, уехал в Ригу и там, как доходили до нас слухи, неистово играл в карты и в кости, к чему имел давнишнюю страсть. Он вернулся в наше соседство не ранее полугода, совершенно расстроив свое состояние, и я начала замечать, что они о чем-то говорят с мачехой, и что речь их идет обо мне. Когда мне случалось входить в комнату, они умолкали, бросая на меня знаменательные взгляды. Вместе с тем, мачеха сделалась ко мне гораздо ласковее, не отказывала мне ни в чем, кроме, однако, возможности видеть Бруно. Прошло уже более месяца с тех пор, как он уехал из замка. Письма его становились все грустней и грустней. Наконец, он написал мне, что отец отправляет его на службу в Швецию, и вместе с тем вызывает Адольфа в замок. «Я боюсь, моя дорогая, — так кончал он свое отчаянное письмо, — что отец задумал женить на тебе Адольфа, чтобы твоими деньгами поправить свои дела; он каждый день ожидает описи всех свободных земель, и мы почти нищие».

Накануне отъезда Бруно, благодаря кормилице, нам удалось свидеться ночью в парке, я дала ему страшную клятву, что не буду ничьей женой, кроме его, лучше умру.

— Зачем умирать, моя красавица, — утешала мамка меня, горько рыдающую в объятиях жениха, — наш Бруно увезет тебя; у меня есть на примете пастор, который не откажет благословить ваш брак, такой он отчаянный, никаких баронов не боится.

На том мы и расстались, дав слово друг другу писать. Как ни трудно было мне, тогда еще совсем не привыкшей к писанью, а я не пропускала ни одного случая дать о себе весточку моему Бруно, моему дорогому возлюбленному... А теперь, о Господи! его уже нет, нет, я никогда уже более не увижу его...»

— На этом месте рукописи, — заметил Адольф, — несколько строк как будто смыты, должно быть, слезами... никак нельзя было разобрать.

«Сначала мысль о побеге, о бесчестии, которое должно было пасть, благодаря ему, на наше незапятнанное имя,

приводила меня в ужас, но мало-помалу я привыкла к ней. Пользуясь благосклонностью мачехи, я выпросила у нее в свою комнату старинную шкатулку с фамильными бриллиантами моей матери, бывшими в описи, так что фрау фон Ротенштадт никак не могла завладеть ими. В той же шкатулке лежало мое маленькое сокровище — триста золотых, давно подаренных мне отцом на приданое. Таким образом, на первое время у нас были деньги, а потом я собиралась броситься к ногам короля, просить его защиты, если б попробовали лишить меня моих прав, им мне дарованных. Обдумывая вместе с кормилицей план о побеге, я совершенно сроднилась с ним, ожидала только приезда Адольфа, чтобы окончательно решить, как мне действовать.

Адольф приехал и с первого же дня начал ухаживать за мной, как за невестой, а женское чутье подсказывало мне, что внимание его непритворное. Его юношеская себялюбивая ко мне привязанность готова была превратиться в страстное чувство взрослого.

Однако, в видах справедливости, я должна признать, что Адольф очень изменился в свою пользу, столичное общество отполировало его, исправило от его дикой грубоcти. Он умел вкрадчиво говорить мне о своих чувствах, уверяя, что нигде не встречал такой красавицы, что я первая женщина, которую он считает достойной носить его знаменитое имя. При других обстоятельствах он мог бы мне понравиться, но образ Бруно, дорогой мне с детства, слишком глубоко запал в мое сердце, и чем настойчивей становился Адольф в своих искааниях, тем более меня отталкивал. Я всякий день собиралась сказать ему, что я невеста его брата, что я люблю Бруно, и всякий день не хватало у меня храбрости подвергнуться его неизбежному гневу. Я слишком хорошо чувствовала в укрощенном львенке прежнего дикого зверя.

В одно утро опекун приехал к нам один, без сына, и неожиданно вошел в мою комнату.

— Не правда ли, — сказал он, — ты умная девочка, Бланка, ты не откажешься носить знаменитое имя баронов фон Ф.

— Это как будет угодно вам, мне решительно все равно, — отвечала я с сильно бьющимся сердцем, чувствуя, что решительная минута приближается, — но мне кажется, что, по завещанию отца, Бруно должен принять одно наше имя, прибавив к нему с разрешения нашего милостивого короля свой баронский титул. Отец не раз объяснял мне, что с него начнется новое поколение баронов фон Ротенштадтов.

— А ты все еще думаешь о Бруно?

— Я дала клятву принадлежать ему одному и ни за что ее не нарушу.

— Бруно сам возвратит тебе слово и освободит тебя от клятвы.

— Ни за что, никогда, я в этом уверена, мы поклялись друг другу в верности страшною клятвою.

— А если я прикажу ему пожертвовать собою ради чести и блеска своего рода, как посмеет он ослушаться? Отцовское приказание разрешает от всяких клятв. Он вдвойне обязан мне повиновеньем — как отцу и как старшему в роде».

Я молчала, обдумывая, как бы убедить его, что если Бруно и откажется от меня, я все-таки не пойду за Адольфа.

— А я думал, Бланка, что ты начинаешь привязываться к Адольфу, — продолжал барон, не дождавшись ответа, — вы все о чем-то толкуете, и так весело смеетесь. Я знаю, что ты ему очень нравишься, а я люблю тебя с детства чуть ли не больше родной моей дочери, мне так приятно будет видеть тебя, Бланка, а не другую хозяйкой моего дома. Соглашаясь, дочь моя, скорее! С фрау фон Ротенштадт мы давно порешили, что ты будешь женою не Бруно, а Адольфа.

— Решили без меня, опекун, я же ничьей женою, кроме Бруно, не буду!

— Увидим!

— И скажу это Адольфу при первом свидании. Он слишком горд, чтобы жениться на мне против моей воли.

Барон Адольф III встал, не говоря более ни слова, и вышел из комнаты. Вечером пристала ко мне мачеха, долго уговаривала она меня и лаской и угрозами, я осталась непреклонна. Тогда, к великому моему удивлению, она объя-

вила, что Адольф в самом скором времени уезжает во Францию исполнить какое-то поручение отца.

Когда он приехал к нам проститься, мачеха не позволила мне выходить из моей комнаты, так я его и не видела. Ему она сказала, что я больна, и даже намекнула, что неожиданный отъезд его огорчил меня до головной боли. Приводив его, она пришла ко мне похвастаться своей находчивостью, заставившей всхлипнуть от удовольствия выразительное лицо Адольфа.

— Не понимаю, как можешь ты предпочитать красавцу, которым гордится весь околодок, этого дурака, необразованного Бруно! — прибавила она со злобным смехом.

— Не понимаю и я, зачем вам нужно выдать меня за него и уничтожить тем распоряжение моего отца, а вашего мужа, которому вы обязаны повиноваться по приказанию нашей святой церкви, — сказала я, вне себя от гнева.

Мачеха опять злобно расхохоталась.

— А затем, что свадьба твоя с Адольфом поможет мне выйти за того, кого я любила прежде, чем пошла за старишку, твоего отца, в надежде, что он обогатит меня, а он оставил мне развалины и ровно столько, чтобы не умереть в них с голоду. Вот как поступил твой отец, а ты хочешь, глупая, чтобы я повиновалась ему и после того, как его, наконец, спровадили на семейное кладбище.

— Но я все-таки не понимаю, как моя свадьба с Адольфом может помочь вам?

— Барон Адольф III обещал мне порядочный кушник за мое содействие его планам, а мне этого только и надо.

— Я именем Бруно и своим обещаю вам вдвое больше, только увезите меня отсюда в Стокгольм.

— Не хочу ничего от проклятых Ротенштадтов, никогда не поверю им! Вдвоем с опекуном мы сладим с тобою, иди лучше добровольно за Адольфа, не раздражай своего грозного повелителя, горько раскаешься, вспомни характер Адольфа в детстве!

Я ничего не ответила, я решила в эту минуту окончательно, что убегу к Бруно. На другой день приехал опекун; по совету кормилицы я сказала ему, что подумаю, и проси-

ла дать мне три месяца сроку; мачеха опять стала со мной ласковой, а опекун видимо был в восторге. Я успокоилась, они не подозревали моего плана, и мы тотчас же приступили к его исполнению.

За несколько золотых кормилица нашла верного гонца в Улеаборг, где Бруно стоял с своим полком гарнизоном. А через три недели, как только улеглись в замке, я вышла в парк и очутилась в его объятиях. Небольшая колымага, заранее снабженная мамкой всем для меня необходимым, ожидала нас, и мы тотчас же пустились в путь, оставив кормилицу дома соглядатаем. В длинную осеннюю ночь, при подготовленных в нескольких местах подставах, мы успели отъехать очень далеко прежде, чем заметили мое отсутствие. В отдаленной захолустной корчме ожидал нас пастор; на рассвете следующего дня мы сделались мужем и женою и поскакали далее. Могла ли я думать, чтобы брак наш, получивший небесное благословение через служителя церкви, будет поруган злодеями. О, Господи! сжался надо мною! Я не виновна, я никогда не изменяла Бруно, я готова с чистой совестью встретить его перед престолом твоей славы!

«Мы отъехали далеко, далеко, в другую провинцию, и в захолустном поселке, в маленькой хижине провели два блаженных месяца, пока нас везде искали как беглецов, как преступников... Я не могу говорить об этом времени... я чувствую, что мысли мои мешаются: что я такое теперь? Чья я жена? Я бедная узница, поруганная в моей супружеской чести, мать, лишенная своего ребенка, сама добровольно его отдавшая в чужие люди, чтобы избавить от лютой смерти.

Бруно вынужден был оставить свой полк без спроса, сдаться дезертиром. Вначале он скрыл от меня это обстоятельство, да я бы и не поняла, какой опасности подвергал он себя из любви ко мне. Деньги наши стали приходить к концу, и мы поневоле должны были решиться оставить наше убежище, ехать в Стокгольм, где у меня был при дворе дядя по матери. С его помощью я надеялась дойти до короля, выпросить прощение мужу в его невольном преступлении, выпросить и восстановление меня в правах, им мне дарованных.

Все было готово к нашему отъезду, я, глупая, как ребенок радовалась мысли ехать в столицу, где я никогда не бывала, кажется, и сам Бруно не вполне понимал, какой опасности он подвергался, если нас поймают, прежде чем мы дойдем до короля.

Вот мы и выехали радостные, счастливые... Нет, я не могу рассказывать далее... Я опять с ума сойду... Нас поймали, разлучили.. Я опомнилась в моей девичьей комнате после трехнедельной горячки... О, Господи, почему не дозволил Ты мне умереть тогда невинной, верной женою моего Бруно!

Возле меня сидела кормилица. Она так ловко вела себя, что ее ни в чем не заподозрили и не удалили от меня. Изверги, впрочем, дорожили моей жизнью; им нужны были мои деньги. Выписанный из Риги доктор жил безотлучно в замке и на горе вылечил меня. Когда я совсем оправилась, опекун пришел в комнату и объяснил, что он и мачеха готовы простить мое недостойное поведение, если я соглашусь выйти за Адольфа.

— Но ведь я жена Бруно, мы законно обвенчаны, как же могу я выйти замуж от живого мужа?

— Можно сделать и так, что ты вскоре будешь вдовою. Если я выдам Бруно, его расстреляют как дезертира.

— Где Бруно? — закричала я.

— Далеко, я отправил его на купеческом судне в далекое плавание, ты никогда не увидишь его!

— И все-таки останусь ему верна!

— Живому, или мертвому?

— Вы не посмеете погубить вашего сына!

— Он не сын мне, я проклял его за неповинование!

Вот все, что я помню... я, кажется, долго не соглашалась, но, наконец, согласилась... Я не имела более силы бороться, я боялась за жизнь моего Бруно. Я была как помешанная в это время, и ничего не помню...

Приехал Адольф и испугался происшедшей во мне перемены. От него все скрыли. Под предлогом моей слабости, нам не позволяли оставаться более пяти минут вместе, и то под строгим надзором мачехи.

Наступил день моего второго святотатственного брака. Я была настолько неопытна, что кормилица в это только утро объяснила мне, что я готовлюсь быть матерью ребенка Бруно.. О ужас!.. Да что же мне было делать? Как только я пробовала сопротивляться, мне угрожали смертью моего мужа! Нас обвенчали, я едва выстояла церемонию, ничего не отвечала на вопросы. Что было после, как высидела я парадный обед, я ничего не помню. Под предлогом моей болезни, гостей почти никого не было... Наступила страшная минута неизбежного объяснения. Мачеха отвела меня в парадную спальню, все удалились, пришел Адольф и хотел поцеловать меня. Я с ужасом его оттолкнула, и не мешкая ни минуты, все сказала ему, всю правду. Он, как дикий зверь бросился на меня, называя обманщицей, бесчестной.

Вошел старый барон и заслонил меня собою.

— Ты не должен обвинять ее, на то была моя воля, а мне ты обязан повиновением! Если б она не вышла за тебя, мы остались бы нищими, да еще с потерей чести, — я все проиграл!

— Отец, она говорит, что она жена Бруно!

— Я все знаю, все слышал, и объявляю тебе мою непреклонную волю: если у нее родится мальчик, он будет наследником. Он имеет на это право, он такой же фон Ф., и я так хочу! Слышишь, Адольф! Я беру Бланку под свою защиту, ты не дотронешься до нее пальцем, я запрещаю тебе, я — твой отец и твой повелитель, пока я старший в роду.

Старик взял Адольфа за руку и увел его. В страшных страданиях провела я ночь. Как выжил мой бедный ребенок, как не умерла я сама, не понимаю. Опять сострадательная горячка на некоторое время лишила меня памяти, и опять меня вылечили. Видно, нужно мне было пройти через все страдания. Когда я пришла в себя после горячки, Адольфа не было в замке. Его вызвали только к крестинам моей девочки. В соседстве носились про нас странные слухи, и старик потребовал присутствия мнимого отца. Настоящий мой муж, мой Бруно, был далеко и ничего не знал о нас. Свекор хотел назвать внучку Адольфиной, тот, другой мой изверг, не согласился; ее окрестили, как я того желала, Бланкой-

Брунегильдой. Старик очень привязался к ребенку, поместил его с кормилицей на своей половине, «чтобы Адольф не смел до нее дотронуться», сказал он мне, когда я заплакала, увидев, как уносят от меня дочку.

Прошел еще год, Адольф редко бывал дома; я оживала только, когда ласкала мою Брунегильдхен, а молодость все-таки взяла свое, я стала оправляться, опять похорошела. Адольф заметил это, и, к великой радости отца, опять полюбил меня.

Приближается катастрофа, я опять чувствую, как мешают-ся мои мысли... не умею рассказать по порядку... Мне сказали, что я опять буду матерью, я в ту же минуту почувствовала, что ненавижу моего ребенка...

И вот, в один вечер, это было летом, старика не было дома, с тех пор, как Адольф помирислся со мною, он часто стал уезжать в Ригу. Мы сидели вдвоем в Северном кабинете. Я, по обыкновению, молчала... Вдруг, как грозная тень, явился перед нами Бруно, я упала перед ним на колени и лишилась памяти. Когда я пришла в себя, я увидела что-то ужасное... Братья, сцепившись, лежали на полу, вокруг них лилась кровь. Я хотела подойти, освободить моего Бруно, и услыхала его хриплый голос, проклинивший отца, брата, меня...

— Молчи, Бруно, — закричала я, — я невинна, я все так же люблю тебя, они меня принудили, заставили изменить тебе угрозами твоей смерти! Отец хотел выдать тебя начальству, чтобы тебя расстреляли, как дезертира!

В ответ мне послышалось страшное хрипение, Адольф встал и я увидела Бруно, истекавшего кровью. Я бросилась к нему, умоляя его жить для меня и для нашей дочери.

Он отстранил меня рукою и я опять услыхала его хриплый голос.

— Да будет же проклят, — кричал он, — неестественный закон первородства, сделавший из человека дикого зверя. Я чувствую, что умираю, а ты — братоубийца — будь дважды проклят! Как Каин будешь ты скитаться по земле, нигде не находя покоя, и мать сырая земля тебя не примет в свои недоры. Скажи ты это от меня зверю, нас родившему, да пора-

дуется он успеху своего первенца!

Я опять бросилась к Бруно, умоляя его простить, не клясть никого перед смертью. Вдруг лицо его преобразилось, он улыбнулся, притянул меня к себе и поцеловал своими хлadeющими губами; потом вздох... и все кончилось.

Я помню, как я просидела всю ночь над трупом, повторяя последние слова Бруно, они, точно огненные, запечатились в моей голове. Кроме этих слов, я ничего не помнила, и так целый год, как говорила мне мамка, я все повторяла одно и то же, его проклятие, да еще просила Бруно никого не проклинать перед смертью.

Надо кончать скорее мое писанье, а то опять мешаются мысли, опять слышу я хриплый голос Бруно.

Пока я ничего не помнила, умер Адольф III, я пришла в себя у его гроба, я вдруг поняла, что мне нужно сделать что-то с моей дочерью, пока не вернулся из своего дальнего путешествия изверг-братаубийца. Мамка увезла Брунегильду к своему брату-рыбаку около Риги. Мамка уговаривала и меня бежать вместе, но я почему-то не захотела, и теперь не знаю почему. Я помню все, что было до смерти Бруно, а что было после — не помню, точно мрак какой спускается в мою бедную голову. А вот, вспомнила: мой второй ребенок, мальчик, умер до рождения. Когда мне это сказали, я, говорят, долго ходотала, била в ладоши, радовалась. Мне и теперь не жаль его; что бы было с несчастным отродьем братоубийцы!

И вот, почему-то в эту минуту я помню еще одно, помню мое убеждение, что так надо, и я решаюсь навсегда оставить замок, решаясь ехать в далекую Россию, искать у Царя защиты и правды, почему у Царя, а не у короля, не знаю, но так надо, это я помню. Если мой наследник не родился, то все имущество Ротенштадтов принадлежит мне и Брунегильде. С настоящим бароном фон Ф., извергом, братоубийцей, у меня ничего нет общего, наш брак незаконный, мне это растолковали, и я должна сказать это Царю.

Мне бы хотелось повидаться с моей дочкой, но я боюсь ехать в окрестности Риги, там поблизости живет мачеха со своим новым мужем, она может выследить и выдать мою

дочку убийце. Да хранит мое сокровище Царь Небесный, пока царь земной не сжалится над нами и не отдаст нам то, что наше по праву.

Отправляясь в дальний путь, в этот раз вместе с моей верной мамкой, я решаюсь распорядиться единственным достоянием, мне оставленным, фамильными бриллиантами моей матери. Добрый человек, посоветовавший мне ехать в Россию, помог мне продать половину этих бриллиантов на расходы моего дальнего путешествия. Вторую половину я не решилась взять с собою, меня могут ограбить, убить, я хочу, чтобы что-нибудь осталось моей дочке, если ей не суждено владеть богатством Ротенштадтов. Я прячу вместе с этой рукописью в раму моего портрета колье, склаваж, серьги и пряжку, самые дорогие из моих украшений, и молю Провиденье охранить их от хищников, пока они не попадут в руки сострадательной души, на которую я рассчитываю; и вот мое завещание:

Принадлежащие мне родовые драгоценности должны быть отданы дочери моей, от законного моего брака рожденной, Бланке-Брунегильде фон Ф. Ротенштадт, или ее потомству. Милосердное Провидение поможет желающему исполнить мою волю отыскать ее в окрестностях Риги у рыбака; указать более определенно на ее убежище я не смею. Если же никого из нас не будет уже в этом мире, то я желаю, чтобы на вырученную от продажи бриллиантов сумму был устроен приют для бедных девочек-сирот, как моя Брунегильда, в настоящую минуту покинутая поневоле своей несчастной матерью. Да хранит ее милосердное Провидение!

Бланка фон Ротенштадт, баронесса фон Ф.»

ГЛАВА II

Когда Адольф кончил, наступило довольно продолжительное молчание. Обе дамы были так тронуты трагичес-

ким рассказом, что не могли тотчас же высказать свои впечатления; на глазах баронессы заметны были слезы.

— Бедная Бланка! — проговорила она, наконец, с глубоким вздохом, — какая ужасная судьба! Папá, ради Бога, поедемте сегодня же с вечерним поездом в Дубельн, я не буду покойна, пока мы не исполним ее последней воли.

— Успеем ли еще сегодня? — ответил старый барон. — Ты забываешь, что я должен сообщить вам содержание писем; теперь половина шестого, — прибавил он, вынимая из кармана часы, — до обеда мне не исполнить своей задачи, а письма очень интересны.

— А если Зельма Фогт умрет?

— Тогда бриллианты будут ей не нужны, и нам придется хлопотать об устройстве приюта; тебе будет много дела и ты перестанешь скучать по Петербургу.

— Какое невыносимое хладнокровие, Адольф! Тебе совсем не жаль Бланки. Умоляю вас, папá, поедемте сегодня, вы расскажете нам все в вагоне.

— Сколько мне помнится, — вмешалась графиня, — из Риги в Дубельн нет ночного поезда, так говорил мне Мейнгард.

— Наверно нет, я знаю, — сказал Адольф. — Перестань, Мари, волноваться и дай нам выслушать отца.

— Странные прочел я вещи, — так начал старик, — не мудрено, что в молодости я им не поверил и бросил письмо. Оказывается, что стуки и шаги начались в замке в первое же 15 июня после кончины Адольфа IV. Судя по письмам его внучки, в первое полустолетие после его смерти, явления были гораздо ужаснее: его самого видали в кабинете, слышались стоны и рыдания. Прекратились они только в четвертом поколении, при жизни моей прабабки, которая собрала письма тетки, своего мужа, и записала в своем дневнике все, что видела сама, и как разыскала внука Бланки. При ней же окончился процесс, посредством которого у нас отняли владения фон Ротенштадтов. Сколько я понял из сопоставления годов, стоны и рыдания прекратились тогда именно, когда неправильно нажитое вышло из рода. В первые годы своего замужества прабабушка еще слыхала

рыдания, и даже раз видела издали привидение, а потом его никто уже больше не видал; слышались лишь шаги и стуки, и то только 15-го июня.

— Как это интересно, — заметила графиня, — стало быть, несчастный братоубийца несколько успокоился после того, как исполнилось его желание возвратить чужое.

В противоположном углу, у камина, послышалось три громких стука; старый барон вздрогнул и побледнел.

— Слышите, папá, это всегда так бывает, — сказала Мария, — но теперь я уже не боюсь этих стуков. Число три означает подтверждение слов Веры.

— Чудеса, — проговорил старик, пожимая плечами. Он был так взволнован, что не мог уже продолжать своего рассказа.

В эту минуту раздались звуки колокола, призывающего к обеду.

После кофея барон Адольф, в надежде рассеять отца, предложил прогулку по парку, а графиня, угадав его намерение, попросила отложить рассказ до возвращения в комнаты, когда они усядутся покойно и ничто не будет развлекать их.

— А теперь мы вас слушаем, — сказала она по окончании прогулки, когда старый барон, отдохнув с полчаса у себя, вернулся в кабинет.

— Писем, стоящих внимания, всего три, — ответил он на вызов своей дорогой гостьи, — остальные не идут к делу. Эти же написаны Адольфиной фон Гринвальд, урожденной фон Ф., к своему мужу, бывшему в это время где-то на войне. Годов и адресов в переписке не сохранилось. А она в его отсутствие проживала у своих родителей в замке Ф. В первом письме она приводит с некоторым недоверием рассказ старой кастелянши о наваждении нечистой силы, являющейся в замке в образе покойного барона Адольфа IV, ее деда; и тут же говорит об отце своем, что он изменился, очень постарел и сделался страшно угрюм с тех пор, как Фиц-Гагены оспаривают поместья, приобретенные женитьбой деда на Бланке фон Ротенштадт. «Помнишь, — прибавляет она, — я тебе рассказывала про красавицу Бланку, про первую де-

душкину жену, которая от него бежала, как говорили, с писарем, и их убили в лесу разбойники. Дедушка велел выбросить ее портрет в старую кладовую, а через год женился на моей бабушке, так что мы происходим от честного рода, — помни это, и не стыдись меня».

— Все подтверждается, и история с портретом, — заметила баронесса. — Теперь остается только родословная Зельмы Фогт. Ах, как мне хочется ее видеть!

— А мне прежде всего хочется выслушать барона, — сказала, улыбаясь ее нетерпению, Вера, и барон продолжал:

— В том же письме сказано еще, что отец все больше проживает в Риге, сам наблюдает за ходом процесса, чему она очень рада — таким он сделался злым и страшным. Второе письмо, писанное, судя по числам, полгода спустя, преисполнено ужаса. Она сама видела рыдавшего и стонавшего деда, узнала его по портрету. Мать упрашивала ее не ходить 15 июня в северную башню, она хотела видеть, пошла и едва не умерла от страха. Далее она говорит, что в северной башне совершилось, должно быть, страшное преступление, что замок и весь их род обречены погибели: дед проговорил глухим, гробовым голосом, что все первенцы их рода прокляты по его вине перед Богом и людьми, и горе тому из них, кто встретится с ним 15 июня; по заклятию обиженному Бруно он должен будет его уничтожить. Письмо написано очень сбивчиво, видно, что бедная женщина поражена ужасом. Я не понял, сама ли она слышала говорящего деда, или кто-нибудь другой передавал его слова. В конце письма она прибавляет, что ни за что не останется в замке, уедет с детьми в свое поместье и увезет с собой свою несчастную мать, измученную постоянным страхом: она почти каждую ночь слышит какие-то странные стуки, стоны и шаги по коридорам и не может спать покойно. В третьем и последнем письме, уже из поместья Гринвальдов, она пишет, что заклятый замок совсем опустел, отец опять вернулся в Ригу, брат все еще в Париже при посольстве, а ей удалось увезти мать с собой. Отец очень сердился, узнав, что она хочет уезжать, кричал: «Глупые вы бабы, боитесь каких-то глупых, несуществующих чертей!» Она сказала ему: «Не чер-

ти ходят по замку, а дедушка, я сама его видела, и он такой страшный». Отец так рассердился, что даже ударил ее. Она бросилась на колени и вымолила позволение уехать вместе с матерью. Он, наконец, сжался, согласился и вот они теперь живут покойно. Из этого, да и из всех писем видно, как они обе боятся безмерно грозного барона. Мы, видно, не такие были в старину, выродились, — прибавил старик, улыбаясь.

— И слава Богу! — засмеялась баронесса Марья Владимираовна. — Я никак не могу себе представить вас или Адольфа таким грозным, чтобы мне пришло в голову вас бояться.

— А вот я попробую взять тебя в руки, по примеру предков, — сказал, улыбаясь, Адольф.

— Поздно, барон, надо было начинать с первого дня после свадьбы, — вмешалась графиня. — Теперь, как ни смотрите грозно, Мари не испугается. Неужели, — прибавила она, обращаясь к старику, — т-те Гринвальд ничего не узнала от матери из прошлого своей семьи?

— Должно быть, запутанная женщина сама знала очень мало, только кое-что слышала от старой прислуги, а та, вероятно, не посмела и заикнуться об убийстве. Рассказала она дочери, и то, выехав уже из грозных стен заклятого замка, что ее свекор отнял жену-красавицу у меньшого брата и запер ее в северной башне; что та из ненависти к нему, или из страха, отдала их единственную дочку Бланку-Брунегильду к бедным людям, к родным своей мамки, а сама года через два убежала. А девочка так и пропала, вряд ли отец пробовал ее отыскивать; женившись же на другой жене, и совсем забыл про дочку. Сама баронесса, много спустя уже после смерти свекра, слышала от кого-то из людей, что в одной рыбакской деревне, не очень далеко от Риги, живет пожилая женщина-красавица, зовут ее Бланкой-Брунегильдой, и почему-то все называют ее баронской дочерью и очень уважают. Муж ее, рыбак по фамилии Кроль, раз в пьяном виде прихвастнул, что его жена носит на шее такую штучку, по которой, если б дойти до царского величества, то их бы обогатили. Баронесса, сообразив этот рассказ со

слышанным от прислуки, так смущилась, что стала упрашивать соседей не говорить ничего при ее муже. Вот все, что есть в письме, но оно послужило прабабушке, как видно из ее дневника, нитию, по которой она отыскала в Дубельне очень уже старого рыбака Кроля, внука давно умершей Брунегильды; он носил на шее, по завещанию бабушки, о которой осталась в семье целая легенда, золотой медальон с фамильным гербом фон Ротенштадтов.

— И что же сделала прабабушка? — спросил Адольф.

— Что? дала рыбаку два червонца и записала это в свой дневник. Что же могла она еще сделать, если бы хотела? В те времена невестки или жены не смели возвысить голос перед старшим в роду, — прибавил он, взглянув на баронессу.

— Вы сердитесь на меня, папá, — сказала Мари, бросив на свекра умильно-покорный взгляд.

— Напротив, мне очень приятно видеть, как горячо принимаешь ты к сердцу справедливое дело, и я с удовольствием повезу тебя завтра в Дубельн и сам займусь проверкой родословной Зельмы Фогт. Будем надеяться, что найдем ее вне опасности.

Барон не кончил еще говорить, как часы стали бить одиннадцать, и вслед за замирающим в воздухе звуком послышалось в стене возле камина пять ясных, раздельных стуков.

— Опять хотят говорить с нами, и по азбуке, — сказала графиня, вставая. — Сядем скорее за столик. Стуки послышались вслед за вашими словами, барон, стало быть, надо, чтобы я вы участвовали с нами в сеансе; я найду азбуку, а вы все усаживайтесь, не теряя времени,

Озадаченный старик молча повиновался, и вот не более, как минуты через две, сеанс устроился. Положив бумагу и карандаш перед баронессой, Вера вооружилась другим карандашом, как указкой, а Адольф приготовился записывать ожидаемое сообщение. Напряженно следил за всем старый барон, видимо заинтересованный происходящим перед его глазами, но в этот раз совершенно спокойный.

Вскоре сложилась следующая фраза по-немецки: «Зель-

ма умирает, молитесь, да пощажена будет Высшим Милосердием молодая жизнь...»

У баронессы вырвалось глухое рыдание, она судорожно схватила правой рукой карандаш и приложила его к бумаге. Не прошло минуты, как глаза ее закрылись, а карандаш задвигался с поражающей быстротой. Все притихли, старый барон, сидевший возле невестки, изумленно следил за ее писаньем.

— Опять тот же старинный почерк, — прошептал он, — и как быстро! Естественно писать так невозможно, и с закрытыми еще глазами!

По прошествии менее чем пяти минут, руки баронессы вдруг остановились; откинувшись на спинку кресла и не открывая глаз, она осталась неподвижной. Вера тихо взяла у нее из-под рук исписанный листочек и передала его старому барону. Прочитав его раза два-три про себя, барон прямо начал переводить по-французски следующее:

«Происходит окончательная борьба между физической жизнью и физической смертью. Кто победит, мне, по моему недостоинству, знать не дано. При ней очищенная и просветленная Бланка, я не могу подойти близко. Вы молитесь. Если она вернется в земную жизнь, и вы дадите ей немного земного счастья, воля Бланки исполнится на земле, и я почувствую прощение Бруно за мой земной грех, и перестану скитаться, как Каин, не находя покоя. Молитесь за Зельму и за меня. Еще один только раз дано будет мне беседовать с вами, в тот день, когда так или иначе вы исполните завещание. А теперь дозволено мне проявить себя перед вами для окончательного убеждения барона Адольфа X, что мы живы! Я желаю, чтобы он понял и поверил, что только здесь мы живем настоящей жизнью, перед которой ваша — преходящая тень, бледная зарница зарождающегося дня. Раскаивающийся грешник Адольф IV фон Ф.».

— Правда ли, отец, — спросил шепотом Адольф, — что ты по счету Адольф десятый?

— Наверно не знаю, никогда не считал, завтра справлюсь в родословной. Очень вероятно, что так. Бывали, я помню, и другие имена у владельцев нашего майората, когда

старшие сыновья умирали бездетными.

— Очень интересно будет в этом убедиться, — сказала графиня. — У меня было бы одним доказательством больше, что сообщения не вычитываются в мыслях кого-либо из присутствующих, а происходят от внешней самостоятельно-разумной силы...

Речь ее прервали новые пять стуков, и баронесса тотчас же зашевелилась, открыла глаза, но смотрела еще бессознательно.

Сложилась фраза очень оригинально: по-русски латинскими буквами.

— Это какая-то путаница, — сказала графиня, когда стуки прекратились.

Первым догадался, в чем дело, молодой барон; разделив беспорядочно записанные буквы на слоги и слова, он прочитал:

«Уложите скорее Машу спать; не говорите ей сегодня, что Зельма между жизнью и смертью. Сказанное она забыла. Завтра ей нужны силы для путешествия».

— Я опять уснула, — заговорила наконец баронесса, нервно потягиваясь. — Было ли что-нибудь у вас?

— Сказано, чтобы мы непременно ехали завтра в Дубельн, а теперь ложились бы скорее спать, — ответила Вера.

Баронесса рассмеялась.

— Стоило ли ради этого усыплять меня, и так крепко еще, что я никак не могу проснуться. Да и на душе что-то тяжело, точно случилось что-то грустное, что меня преследует, но чего я никак не могу вспомнить. Извиняюсь перед вами и ухожу без чая, предоставляя Вере хозяйничать за меня.

— Помолись, Мари, за Зельму Фогт, — рискнула сказать графиня, — чтобы мы нашли ее вне опасности.

— Хорошо, постараюсь помолиться. Покойной ночи, папá.

И баронесса удалилась.

Задумчивый, но совершенно спокойный просидел старый барон за чаем, — вообще все говорили очень мало. Прощаясь, он крепко поцеловал у графини руку, сказав ей

перед тем вполголоса:

— Теперь я верю твердо, непоколебимо в будущую жизнь, и невыразимо счастлив и поконен. Спешу вас этим порадовать.

ГЛАВА III

Первое лицо, встретившее наших путешественников на дебаркадере в Дубельне, был никто иной, как Мейнгардт, приходивший от нечего делать к каждому поезду.

— Не знаете ли жива Зельма Фогт? — спросила графиня Воронецкая, любезно протягивая ему руку. — Извините, мне бы следовало прежде всего поблагодарить вас за скорый ответ.

— Ваш запрос заинтересовал меня, графиня, тем более, что Зельма, как говорят, очень хорошенькая девушка, и яправляюсь о ней по несколько раз в день. Она ожила часа два тому назад, а то более полусуток пролежала в летаргическом сне, которым закончился тифозный кризис; ее приняли за умершую и собирались уже готовить к погребению.

— Когда впала она в летаргический сон? — нетерпеливо спросила баронесса Марья Владимировна, не дожидаясь, чтобы ей представили незнакомого ей Мейнгардта. В вагоне ей сообщили все, касавшееся вчерашнего сеанса.

— Вчера вечером, в исходе одиннадцатого, — ответил молодой человек, вежливо снимая шляпу перед незнакомой дамой. — Я заходил к ним ровно в одиннадцать, и мне сказал доктор, что она только что перестала дышать. Под этой болезнью скрывается очень интересный роман, быть может, вы его знаете, графиня?

— Я ничего не знаю, рассказывайте скорей. *Nous sommes tout oreils**.

* Мы превратились в слух (*фр.*).

— Выходя вчера ночью от Фреда, где я пробыл более часа, я наткнулся около их забора на рыдающего молодого человека. Он бросился ко мне с вопросом: правда ли, что она умерла? Я несколько его успокоил, сказав, что доктор не вполне убежден в ее смерти, предполагает возможность летаргии. Он обрадовался, как безумный, даже этой маленькой надежде и рассказал мне всю свою историю. Он три года считался женихом Зельмы, они страстно любили друг друга, этим летом назначена была свадьба. Жених — небогатый чиновник из Риги. Я зазвал его к себе и мы просидели вместе часть ночи, посыпая каждые полчаса узнавать, что делается у Фогта. И как бедный Липгардт горько плакал всякий раз, когда посланный возвращался с известием, что перемены нет, и все уверены, что она умерла.

— Почему же не шел он сам, если считался женихом? — спросила баронесса

— Он жених в отставке, выгнанный отцом невесты из дома.

— За что? — спросили в один голос обе дамы.

— Видите ли, Зельмина мать была единственной дочерью здешнего зажиточного рыбака Кроля, давно умершего, а сама она умерла, когда Зельме было лет десять.

— Дочь Кроля! — воскликнула баронесса, многознаменательно взглянув на мужа и на свекра.

— Да, и, конечно, как единственное дитя, наследовала все имущество. Фред страшный скряга, ростовщик; женившись вскоре на другой, он завладел бесконтрольно имуществом дочери, тоже единственной от первого брака; теперь же у него человек шесть. Все знают, что источник его теперешнего, довольно значительного капитала — деньги первой жены, а дочери ее он ничего давать не хотел, даже приданого порядочного не сделал. Родные Липгардта и уговорили его потребовать Зельминых денег для нее же. Он послушался и поговорил с старым скрягой довольно крупно, тот выгнал его из дома, дочь же уверил, что Липгардт женится на ней только из-за денег, в силу чего он не позволит ей больше с ним видеться. Дня через два бедная девочка захворала, отец уверяет, что простудилась, очень долго оста-

ваясь в море, а доктор говорит, что на нее всего более по-действовало нравственное потрясение.

— А что говорит жених? — спросила графиня.

— Бедный, клянет тот день, когда задумал рассчитывать на женино приданое. Я недавно видел его опять у калитки Фредова дома, и он умолял меня, если Зельма выздоровеет, убедить Фогта, что он готов жениться на ней без всего, даже сам сделает ей подвенечное платье, только бы их скорее обвенчали.

— Папá, — воскликнула Мари, мы с Верой прямо отсюда поедем к Фогту, т-р Мейнгардт нас проводит...

— Нет, — поспешил невестку старый барон, — мы сперва поедем в гостиницу, а там увидим, что нам делать.

Тут только графиня вспомнила представить своим спутникам Мейнгардта, который рекомендовал им большой номер в той же гостинице, где жил сам, уверяя, что лучшего они не найдут во всем Дубельне. Поручив багаж носильщикам, все отправились в гостиницу пешком. Мейнгардт, продолжая восхвалять своего симпатичного чиновника и искреннюю любовь его к невесте, поспешил предложить руку графине, которая и воспользовалась этим случаем, чтобы объяснить ему участие, принимаемое всеми в Зельме Фогт, неожиданным открытием, по старым бумагам, происхождения Зельмы по матери от боковой линии баронов фон Ф. А баронесса в это время, взявш под руку свекра, убеждала его, что теперь, когда известно, что Зельма внучка Кроля, никаких сомнений уже быть не может; права ее на наследство Бланки вполне ясны, и им стоит только поспешить к Фогту обрадовать больную.

— Разве не может быть другой семьи Кролей, или у этих в предыдущих поколениях найтись еще сонаследники? Мы не имеем права действовать опрометчиво.

— Как, папá, неужели вы еще сомневаетесь в буквальной верности полученных нами сообщений и после вчерашнего нового доказательства? Заметьте, что и то оказалось правдой: Зельма страдает действительно сердцем, и мы можем дать ей немного счастья.

— Положим, так, не верить Адольфу IV мы не имеем никакого основания, но, во всяком случае, неразумно будет поразить даже и счастливой вестью такую слабую больную, как Зельма, и вместе с тем открыть тайну неожиданного богатства такому скряге, как Фогт, пока дочь, не будучи замужем, находится еще в его власти.

С этими последними доводами пришлось согласиться и нетерпеливой баронессе. Ей трудно было сидеть в номере в полном бездействии и она уговорила все общество отправиться гулять на морской берег, куда Мейнгардт обещал привести жениха Зельмы, если окажется по новым справкам, что состояние ее, по крайней мере, не ухудшилось.

Благодаря нетерпению баронессы, едва согласившейся дать своим спутникам время напиться чаю, они ранее восьми часов заняли уже скамейку на одном из песчаных бугров, и рассеянно смотрели на море в ожидании Мейнгардта, отправившегося к Фогту, а затем на поиски за Лингартом.

Ожидать пришлось не менее часа. Мари совсем теряла терпение, считая от нечего делать сновавшие перед ними рыбачьи лодки, когда, наконец, в отдалении показался Мейнгардт под руку с очень юным, высокого роста блондином приятной наружности. Баронесса едва не вскочила к ним навстречу.

— Фрейлейн Зельме лучше, она уснула нормальным сном; доктор сейчас сказал мне, что теперь он не теряет надежды спасти ее, — приближаясь к ним, проговорил Мейнгардт и затем уже представил своего спутника, конфузливо отвесившего низкий, почтительный поклон дамам. От смущения он едва дотронулся до руки, протянутой ему Адольфом.

Немалого труда стоило баронессе добиться от него нескольких слов, так стесняло молодого человека присутствие величественного старика-барона, не обращавшего на него никакого внимания, как будто его совсем тут и не было. Заметив общее стеснение, Вера предложила старому барону походить с ней по берегу; тогда только Липгардт, успокоенный простотой обращения окружающих его, наконец,

разговорился.

— Вера, слышишь, — сказала Мари, призывая мимо проходившую графиню, — т-р Липгардт видел у Зельмы Фогт старинный золотой медальон с гербом, доставшийся ей от матери, как семейная драгоценность. Теперь, папá, последнее сомнение исчезло, не правда ли?

Подойдя, старый барон объяснил смущенному молодому человеку, что отдаленная прабабушка Зельмы была в некотором родстве с баронами фон Ф. — факт, подтверждаемый этим медальоном, как надо полагать, с гербом вымершей фамилии фон Ротенштадтов... в силу чего они принимают горячее участие в судьбе его невесты, и постараются уладить их свадьбу, если на то будет желание Зельмы, когда она выздоровеет. Потом, обратившись к невестке, он выразил по-английски надежду, что она не проговорилась о бриллиантах.

— Будьте покойны, папá, — ответила Мари, — я хочу испытать до конца бескорыстную любовь жениха к невесте, и очень желаю, чтобы до самой свадьбы он ничего не знал о ее состоянии.

Прошло около двух недель, в продолжение которых барон Адольф Адольдович успел серьезно переговорить со своим старым знакомцем Фредом, убедившись из этого разговора, что у покойной жены его не осталось ни одного родственника со стороны Кролей, а вместе и убедив его согласиться на свадьбу выздоравливающей дочери с Липгардтом обещанием жениху своего высокого покровительства по службе, уверив притом старого ростовщика, что и он, и отец давно знают Липгардта за очень хорошего человека, вполне достойного их попечения о нем; и вот молодому человеку дозволялось навестить, в качестве жениха, начинавшую оправляться Зельму. Устроив это дело, старый барон заявил, что он не может более оставлять своего хозяйства и надеется, что молодежь, в том числе и дорогая гостья, не заставят старика скучать одного в замке, а вернутся туда вместе с ним.

Накануне отъезда обе дамы с разрешения доктора вошли в первый раз в комнату больной Зельмы. Маленькая,

худенькая, но прелестная блондинка лет двадцати попробовала встать к ним навстречу из большого кресла, куда ее усадили в ожидании почетных гостей, но от слабости и смущения не имела силы приподняться. Легкий румянец волнения показался на ее бледных щечках, когда баронесса крепко ее поцеловала, усаживая обратно в кресло,

— Какая вы прелесть! — сказала она. — Я нахожу Липгардта очень счастливым.

— Выздоровливайте скорее, — прибавила графиня, целуя в свою очередь больную, — и мы вернемся в августе в Дубельн на вашу свадьбу, а пока позаботимся о вашем приданием.

— За что такие милости, я ничем их не заслужила, — слабо проговорила девушка.

— Никаких тут милостей нет, все так быть должно, поверьте; когда выздоровеете, мы вам скажем, за что мы вас полюбили, прежде чем познакомились с вами. А теперь не волнуйтесь и до свидания. Доктор позволил только взглянуть на вас. До августа, моя прелесть!

И маленькая баронесса выпорхнула из комнаты, оставив больную сильно озадаченной.

Вскоре пришедший навестить ее Липгардт объяснил ей, по договору с бароном Адольфом, тоже самое, что было сказано последним Фогту.

— Но почему же, Фрид, ты не говорил мне прежде, что у тебя есть такие высокие покровители? — возразила девушка. — Зачем не сказал этого отцу, это бы во многом изменило его взгляд на нашу свадьбу?

— Мне не хотелось хвастаться... да я и не был уверен... — смущенно ответил Липгардт.

— А я так уверена, что ты говоришь мне не всю правду, что тут скрывается какая-то тайна... Но Бог с тобой, я не хочу допытываться, что именно принесло нам счастье... Когда-нибудь, когда мы будем мужем и женой, наверное, скажешь...

— Скажу, моя дорогая, хотя и сам знаю немного. А теперь не спрашивай, я дал слово молчать тем, кто возвратил мне тебя, моя птичка.

— А я теперь расскажу тебе то, что до сих пор никому еще не говорила, — задумчиво начала Зельма.

— Что такое, — несколько испуганно спросил Липгардт, — отчего не сказала даже и мне; разве и тебе кем-нибудь запрещено?

— Нет, не запрещено, а самой как-то неловко рассказывать... и теперь трудно решиться. Это о сне, который я видела в то время, как лежала будто мертвая, в летаргии, как говорит доктор.

— А, обо сне, — довольно равнодушно отозвался Липгардт.

— Я даже не знаю, сон ли это был, или что иное непонятное, и не умею припомнить, как это началось. Кажется так, что я почувствовала, что меня какая-то сила подымает вверх, все выше, выше, и в тоже время я слышу голос ма-чехи: умерла? а отец громко зарыдал, и мне стало его жаль, я хотела сказать: нет, жива, и не могла. Тут я подумала, должно быть, так умирают, и очень мне стало страшно; о тебе вспомнила, и еще более захотелось сказать, что я жива, мне ясно представилось, как горько будешь ты плакать. Но вот, я подымаюсь все выше, выше, и уже перестала слышать, что делается на земле, и тогда я вдруг перестала и жалеть всех вас, даже тебя, и почувствовала в душе такое блаженство, о каком прежде понятия не имела, почувствовала еще, что сейчас увижу мою маму. До тех пор я ничего не видела, только чувствовала, а тут вдруг вижу яркий свет, совсем особенный; вокруг меня все так восхитительно, так необыкновенно, что и слов нет для описания; затем вижу возле себя маму, она меня обняла, и на душе у меня стало еще лучше, еще радостнее. Кажется, я ей сказала: «Мне хорошо с тобой, ни за что я от тебя не уйду, не хочу». А она мне ответила — ее ответ и все, что говорилось мне после, я отлично помню так, как будто слышу в эту минуту — «нельзя, дитя; это говорит та, которая дала нам золотой медальон. Она нам близка и по телу и по духу. Ты еще не дожила свой срок на земле, ты должна узнат земное счастье и земное горе, должна подготовить себя к нашей жизни, ты еще не дозрела. Помни только, что надо быть доброй, никому не делать

и не желать зла, исполнять божественные законы любви». Последние слова сказала не мама, а другая женщина, сияющая, лучезарная и такая красавица, какой я до сих пор и представить себе не могла, а мама прибавила: «Божественные законы у вас на земле называются заповедями. А это, смотри, это она наша покровительница, она молит за всех нас милосердного Господа, будет молиться и за тебя, чтобы ты пришла к нам так же чиста сердцем в старческой мудрости, как чиста теперь в твоем младенческом неведении. Не забывай нас, живи так, чтобы нам соединиться с тобой в лоне Господнем. Мне жаль отпустить тебя, но так надо». Тут мама исчезла из моих глаз; обняла меня та другая, красавица, и положила мне на сердце руку; мне сделалось еще лучше, блаженство неописанное овладело мною, такое блаженство, перед которым вся земная радость ничто; теперь я не умею и представить себе этого блаженства, решительно не умею. Но продолжалось оно недолго, вскоре все стало вокруг меня омрачаться, я перестала видеть красавицу, хотя все чувствовала ее руку на сердце, но теперь рука ее меня точно давила, мне становилось все тяжелей и тяжелей. «Это земная жизнь возвращается», — подумала я и открыла глаза. Надо мной, нагнувшись, стоял доктор, я его тотчас же узнала... Не правда ли, какой странный сон?

— Забудь его, моя дорогая... хотя, если верить снам, то он обещает тебе долгую жизнь, до старости; но лучше не думать!

— Нет, забывать не надо, надо думать чаще о приказании красавицы быть доброй... Я, знаешь, почему тебе рассказала... мне вдруг показалось, что между красавицей моего сна и неожиданными милостями баронов фон Ф. есть какая-то связь, а теперь не понимаю, почему мне это так показалось... Ты, ради Бога, никому никогда этого не рассказывай, я не хочу, слышишь?

Дав невесте честное слово молчать, Липгардт задумчиво вышел из комнаты. Его поразило странное совпадение золотого медальона, по которому фон Ф. признали свое родство с Зельмой. Но вскоре он махнул, рукой, сказав себе:

лучше не думать, ничего тут не поймешь, а только одуреешь, и мгновенно успокоился.

Читатель и сам догадается, что в августе все произошло так, как и следовало: в прелестном свежем наряде, выписанном графиней Воронецкой из Петербурга, в венке из живых мирт и флердоранжа, Зельма Фогт получила благословение пастора, причем свидетелями подписались барон Адольф и Майнгардт. Графиня и баронесса присутствовали при обряде венчания, а на следующий день навестили новобрачных в их новом гнездышке в Риге, убранном и устроенном на данные ими средства. В это же посещение были рассказаны молодым супругам странные события в замке Ф. и вручены принадлежащие им бриллианты. Зельма, в свою очередь, рассказала баронессе и графине о виденном ею сне. Она сразу сделалась спириткой, но Липгардт долго недоумевал, пока жена его не убедила, что нельзя не верить тому, что принесло им так много счастья и чему верит даже господин барон фон Ф., владелец майората.

Бриллианты, конечно, продадутся аграфине и баронессе удастся приобрести для себя пряжку и серьги, когда те будут оценены компетентными людьми.

Надо полагать, что, когда реставрированный портрет баронессы Бланки будет торжественно помещен на принадлежащем ему месте, Адольф IV исполнит свое обещание, и бароны фон Ф. услышат еще раз из лучшего мира голос, выражавший им благодарность раскаявшегося на земле, а теперь окончательно успокоенного ими предка.

ОБ АВТОРЕ

Виктор Иванович Прибытков (1837/40-1910) — морской офицер, выпускник Морского кадетского корпуса, капитан 1 ранга. В 1874 г., будучи в отставке, заинтересовался явлениями спиритизма и медиумизма; случилось это после того, как жена Прибыткова Елизавета Дмитриевна (? – 1896) начала проявлять медиумические способности. Вскоре начал организовывать спиритические сеансы, сблизился с видными единомышленниками (А. Н. Аксаков, А. М. Бутлеров, Н. П. Вагнер и др.). В 1881 г. учредил журнал «Ребус», изначально заявленный как журнал загадок, шарад и ребусов, но быстро перешедший на спиритуалистические рельсы. В 1894 г. по инициативе Прибыткова в Петербурге возник «Медиумический кружок», в котором к концу 1899 г. состояли 52 человека; после утверждения устава кружка и официальной регистрации в 1900 г. название было изменено на «Кружок для исследований в области психизма».

В 1903 г. в связи со смертью А. Н. Аксакова, финансировавшего «Ребус», Прибытков был вынужден продолжать издание журнала исключительно на собственные средства и к концу года, ссылаясь на состояние здоровья, передал управление журналом московскому мистику и спиритуалисту П. А. Чистякову (1867-1924); после перемещения редакции в Москву журнал просуществовал до 1918 г.

Книги и брошюры В. И. Прибыткова включают «Медиумические явления перед судом врачей» (1885), «Богословско-философский журнал о спиритизме: Научное подтверждение реальности медиумических явлений» (1885), «Откровенные беседы о спиритизме и других явлениях той же области» (1894), «Медиумизм Елизаветы Дмитриевны Прибытковой: Воспоминания» (1897), «Спиритизм в России от возникновения его до наших дней» (1901) и др.

Повесть «Легенда старинного баронского замка» была впервые издана в 1883 г., а в 1894 г. переиздана с дополнительным подзаголовком «Рассказ, служащий руководством к устройству медиумических сеансов»; в обоих случаях автор был означен лишь как

«В. П.». Текст публикуется по первому изданию 1883 г. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам; исправлены отдельные устаревшие обороты и унифицировано написание некоторых имен.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.